

КОНВЕРТ

АЛЕКСЕЙ АЛЕЙНИКОВ

Алексей Алейников

Конверт

«Издательские решения»

Алейников А.

Конверт / А. Алейников — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-939539-9

Мог ли практикующий йогу бизнес-тренер Алексей Рыжов, идя в офис апрельским утром, представить, что ждёт его? Пройдя через боль и страдания, он находит себя и высшее предназначение там, где, казалось, можно только потерять. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-939539-9

© Алейников А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1.	6
Глава 2.	18
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Конверт

Алексей Алейников

Дизайнер обложки Татьяна Завьялова

© Алексей Алейников, 2019

© Татьяна Завьялова, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4493-9539-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Арест

Алексей Рыжов

«Лошади умеют плавать. Но – нехорошо. Недалеко», – разрушив концентрацию, строчка всплывает из глубин сознания. «Йога-сутра»¹ предупреждает о многих преградах на пути к самадхи², но чтобы мешала строка из выученного в юности стихотворения? Не писал о таком препятствии Патанджали³, не знал.

Древним было легче. «Практикующий хатха-йогу должен жить в хорошо управляемом и добродетельном королевстве, где легко получить пропитание». А как быть, если живёшь в стране, чьи правители отнюдь не мудрецы?

В державе, в которой, чтобы заработать на хлеб насущный, нужно крутиться с утра до вечера? Где находить время для занятий работающему человеку, риши⁴ тоже не писали.

Позади двадцать лет ежедневной практики, три заученных наизусть трактата, два десятка семинаров и ретритов⁵, шесть лет обучения в Школе и Академии Йоги. Высшая же цель – слияние с Абсолютом, бесконечно далёкая в начале Пути, таковой и остается. Есть от чего, нарушив заповедь «сантоша»⁶, загрустить.

Даже на физическом уровне многие из обещаний мастеров оказались невыполненными. Писали, что «при регулярном выполнении Ваджрасаны⁷ волосы не поседеют»? Два десятка лет ем, сидя в этой асане, читаю и смотрю кино только в ней – итого в день по три часа. А что имеем? Волосы в сорок два почти совсем седые.

Предрекали, что «практикующий Сиршасану⁸ останавливает время»? Как же сеть морщин вокруг глаз? Годы саттвической⁹ диеты за плечами. А камешки в желчном пузыре откуда?

Терапевт только плечами пожала: «Генетика». Где возможность управлять внутренними функциями организма? Даже с простенькой тахикардией не справиться без таблеток. Ну, да ладно – список претензий к обещаниям гуру длинен и грустен. Лучше вернуться к практике. Так. Поза – безупречна, дыхание – уравновешено, читта¹⁰ – успокоена. Где самадхи?

*Полковник Комитета безопасности государства
Волков Владимир Сергеевич*

Начинается утро хреново. Через пять минут завываний будильника на телефоне, едва отклеиваю черепушку от кровати. Виски сверлят буравчики. Во рту – кошка навалыла. Солнечный свет режет глаза. Дернула нелёгкая вчера согласиться на встречу с ребятами! Витёк любит

¹ «Йога-сутра» – один из основных трактатов по йоге.

² Самадхи – высшее состояние, восьмая ступень и цель йоги.

³ Патанджали – легендарный автор «Йога-сутра».

⁴ Риши – мудрец (санскрит).

⁵ *Retritum* – (англ. *Retreat* – «уединение», «удаление от общества») — обозначение времяпрепровождения, посвящённого духовной практике.

⁶ Сантоша —удовлетворенность, довольство существующим.

⁷ Ваджрасана – поза, при которой практикующий сидит на своих лодыжках.

⁸ Сиршасана – стойка на голове.

⁹ Саттвическая пища – растительно-молочная пища.

¹⁰ Читта – энергия мысли. Согласно трактатам по йоге, на её успокоение направлена практика йоги.

накатить и не даёт, чтобы рядом кто-то пил меньше него. Димон тоже хорош! «За дружбу!», «За прекрасных дам!», «За тех, кто не с нами!». Короче, накидались, как черти.

Всё, что после кабака, помню слабо – куда-то мчались, за кем-то гнались. Потом нарвались на патруль – гаишники, два старлея, пытались остановить нас, полковников! Показали «вездеходы» – не реагируют, клешнями к своим кобурам тянутся. Ну, тогда мы чуток разозлились – выволокли сопляков из авто и уложили фейсами на асфальт. Серега по печени обоим нехило так отметил. Потом, правда, пожалели – отпустили к мамам. Будут салабоны знать, кого можно трогать, а кого – ни-из-зя!

Ладно, всё это было вчера. Надо приходиться в форму: надраив зубной щёткой пожелтевшие от курицы зубы, влезаю под контрастный душ. Ледяная вода после почти кипятка бодрит не по-детски и я с воплем апачей вылетаю из ванной. Мокрые следы остаются на паркете, но орать на бестолкового мужа уже полгода как некому и я вытираюсь суровым полотенцем, стоя голым у распахнутого окна.

Прихлёбывая обжигающий кофе, затягиваюсь первой сигаретой из пачки на сегодня. Бывшая на кой-то ляд повесила зеркало на кухне и теперь я люблю себя в зеркало: мужик слегка за сорок – пузико, залысины. Судя по опухшей физии, вчера хватил лишку.

С утра надо порыскать: соляра почти заканчивается и скоро «Туарег» заправлять будет нечем. Потом надо нажучить оперов: последнее время совсем охренели – наехали на бизнес моего кореша. Поувольняю, гадов, нафиг!

А к десяти Питбуль ждёт с докладом. «Что по делу «конверта» в банке «Кристалл»?»

Последнее время руководство долбит: наверху опять идут перестановки и надо давать результат. А тут можно отчитаться. Как же: «Комитетом Безопасности Государства прекращена деятельность крупного конвертационного центра»!

Блин! Мне уже за сорок: пресс, когда-то весь в кубиках, стал квашнёй, сквозь поседевшую шевелюру лысина просвечивает. Поневоле станешь осторожным. Хочу выйти в отставку с нормальной пенсией и выслугой лет, а не вылететь на хрен без пособия. Это у нас запросто! Каждая сволота норовит подсидеть и место твоё отхапать. До ветерана всего пять лет, но чую – не дотяну. Сил моих больше нет в гадюшнике возиться и пинки от начальства получать! Уже кой-какие намётки есть: моё детективное агентство шуршит активно и грошки приносит, в ячейке банка десяток пачек с Бенджамином Франклином и под килограмм рыжья лежит, квартирka трёхкомнатная в престижном районе на проверенного человечка записана. Что ещё надо, чтобы спокойно встретить старость?

Задрали всё по самое нехочу! За двадцать лет, что прошло, как закончил Академию, я пережил семерых Председателей! Олигархи тасуют расклады – меняется руководство в стране. И каждый презик первым делом ставит во главе Комитета своего бойца, потом меняет, потом ещё. Сколько непрофессионалов и дураков пришлось повидать! Полный абзац – назначить на должность Председателя миллиардера-бизнесмена.

Он, правда, оказался неглуп. Хоть и пришлый, а нашёл-таки подход: повысил жалование, остановил чехарду в кадрах и матбазу улучшил. А то ребята из «криминалистики» за свой счёт расходные материалы покупали! А пользоваться в 2010-м пятьсот восемьдесят шестью, когда вокруг даже детишки на вторых «пентиумах» юзают? О, набрался словечек от подчиненных, как Бобик блох!

В отдел ко мне всё чаще сопляков суют – на тебе, Боже, что мне негоже! Пока пообтешешь, пока мозги, вывихнутые, вправишь – годик-другой и пролетает. Тут бы и начать работать – ан нет: руководство только и ждёт, чтобы подрихтовал молодца, уму-разуму подучил. Раз – и перебрасывает в какой-нибудь отдел потеплее – аналитический или шифровальный. Э-э-х! Жизнь моя, жестянка!

Так. Охренёж продолжается. «Крузак» Серёги из аналитического залез колесом на моё место. Парковать толком не умеет, гавно малолетнее. Ишь: папа у него генерал! А у самого

сопли под носом уже обсохли? Подпёр его сзади. Понадоблюсь – позвонит. А то понтов столько, что лопнуть можно. Помёрзнешь с моё в «наружке», на ствол и нож сходишь – тогда и будешь парковаться, где вздумается. А пока ещё не дорос, щенок!

Сослуживцы уже мелькают по коридорам. Одному кивнул, другому. Молодёжь прёт курить во двор с чашками кофе в руках. Теперь будут полчаса ржать и галдеть под окнами – не сосредоточишься!

Так. Оэрдэ¹¹ из сейфа – перелистал. Вышли мы на «Кристалл» ещё полгода назад. Но тогда «Фас!» не скомандовали. Мы и не рвали. Отложили к вялотекущим делам. Колпак, конечно, накинули: «наружка» у банка сотрудников и клиентов «пощелкала», транзакции отследили через Финмониторинг. Ясен пень – обычный «конверт». Но там у них то ли «папик» сильный, то ли ещё что – велели не трогать. Ну, я всё по файликам рассортировал, в папочку и в сейф. Пусть полежит – утро вечера мудренее! А неделю тому назад вызывает Питбуль: «Кристалл» дожать!» Приказ есть приказ. Поднял оперов, «Альфу» – и в банк.

Алексей Рыжов

Сыто урчит прогреваемый двигатель. Пока есть пара минут, прикидываю, что день грядущий мне готовит. Так: утром – короткое совещание: молодёжь надо держать в тонусе, иначе закиснут. На одиннадцать – встреча с потенциальным клиентом. Интуиция говорит, что тема интересная и можно получить хорошие платежи. Обедаю, опять-таки, с клиентом, нынешним и о-очень жирным. Пригласил в японский ресторан: пообщаться, обсудить жизнь – ни слова о бизнесе. Ясно: придется незаметно коучить – корректировать. Остаток дня – в офисе, поднакопилось текучки. Всё. Расставил приоритеты, наметил цели – образцовый тайм-менеджер!

– Папа, а отчего птицы летают? – Верочке надоело отсутствие внимания.

– Они взлетают при помощи мышечных усилий. Затем просто планируют.

– А-а-а! – рассматривает выезжающие с парковки машины, прилипла носом-пуговкой к боковому стеклу.

«С Богом!» Даю газку. Покатились! Сегодня мы немного задержались: улицы уже полны спешащих машин. Погружаюсь в концентрированное состояние – так легче вести малыша – «пойнтера» в потоке дорогих джипов и наглых «мерсов» с номерами из четырёх одинаковых цифр.

Первой забрасываю в садик Верочку. Малышка хочет похныкать, пожаловаться на судьбу, но турусы разводите некогда. Чмокаю в бархатистую щёчку и сдаю воспитательнице. Как-то разберется с моим чудом с косичками.

Теперь Андрей. К счастью, нашли ему школу возле моей работы. Завезти переростка в «цитадель знаний» – дело пяти минут. Сын даже не глянул напоследок. На моё: «Удачного дня!», буркнул: «Пока» и побрёл к школе. Смотрю ему вслед – ссутулился, сторбился бычок. Идёт, словно на бойню тащится. Как он вписался в новый коллектив? Из самого слово клещами не вытащишь. «Всё нормально». Надо на днях зайти, с классной руководительницей побеседовать. Может, что и расскажет.

Всё. Родительскую повинность отбыл. Теперь – работа. Мозг привычно щелкнул, переключаясь в трудовой режим.

Вот и офис. После «маски-шоу» прошла неделя. Вроде всё поутихло. По крайней мере, так говорит Алёна. Что день грядущий нам готовит, думать не хочется. Я проработал на эту контору пять лет. Начинали с нуля – ни клиентов, ни схемы работы. Теперь, через время, всё функционирует как часы. Но на горизонте клубятся тучки. Как бы в шторм не переросли. Надо

¹¹ ОРД – оперативно-розыскное дело.

плацдарм для отхода подготовить. Но как? Дома – два спиногорыза, жена без работы уже год сидит. Э-э-х! Самадхи нам и не снилось.

Подполковник КБГ Волков В. С.

Медведи из «Альфы» красиво так через площадь промчались, и давай двери вышибать. Там охранник, козел, не открывает. Ну, срезали петли, олуха мордой вниз и по горбу слегка наkostenяли, чтобы впредь умнее был. Всех из кассы, руководство банка, каких-то арендаторов со второго этажа заперли в столовой – пусть поскучают. Опера все бумажки – в мешок, жёсткие диски – вывинтили, сервер – изъяли целиком. Предправления, главбухшу, кассиров и всю мелкую сволочь – в автобусы и в Контору. Там с каждым побеседовали, да толку мало. Одна кассирша, ненормальная, крестить нас начала, другая разревелась и только икала. Главбухша и главный молчат, словно воды в рот набрали. Их бы всех кодексом по головам – вмиг бы разговорились! А так: подержав до двадцати трёх ноль-ноль, отпустили.

Думал – голяк. На одних гипотезах в суд никого не потащишь. Три дня я сам легко подпишу. А дальше? Продлить арест, дожать гада, довести до нужной кондиции? Идём на поклон к судье: продли санкцию, дружище! А уж тут как повезёт, куда карта ляжет. Судьи нас не слишком жалуют – если нет хотя бы нормальных вещдоков, продление не подпишут. Хрен их поймешь – у нас взаимная антипатия. Мы не уважаем «крыс в мантиях», а они нас, «часовых экономики», недолюбливают. Конечно, у Питбуля есть пара ручных судей, из тех, что рыльце в пушку. Они подписывают всё, что мы им привезем, но... Пока не во всех районах города. Плюс нужный человек может в отпуск уехать или просто не его смена – тогда хуже.

А тут удача сама в руки прёт: заучки из «криминалки» провели экспертизу почерков всех, с кем мы беседовали в тот день. Выяснилось, что двое из них заполняли чеки на выдачу «налички», подписывались за других людей. Ну, теперь всё – попались, красавцы!

Пробиваем по базам – живут там-то и там-то, работают в консалтинговом агентстве «V.I.P.», что на втором этаже «Кристалла».

Сегодня – важный день! «Наружка» отзвонилась: оба вошли в здание и пока не выходили. Сушняк душит, так я бутылочку ледяной минералки из холодильника цапаю – и вниз, к машине. Тут же Питбулю звоню: «Есть контакт!». Тот орёт: «Ну, так вперед, вашу мать!!! За орденами!» А здесь, совсем некстати, головная боль!

Алексей Рыжов

У двери офиса уже стоят девчонки из банка; курят, кофеёк прихлёбывают. «Привет!» – «Привет!». Вхожу в офис. Двери Алёна велела поставить ярко-алые. Мы поначалу возмутились. Где это видано? Глаза режет, клиенты пугаются. Но потом и мы, и посетители привыкли, замечать перестали.

Наш отдел – сразу направо от входа. Сорок квадратов площади, пять столов. Мой – в углу: люблю смотреть в окно, когда размышляю. А думать приходится частенько – клиенты нынче пошли балованные, тренинги всё чаще заказывают нестандартные, с «извращениями». Давно прошли те благословенные времена, когда заказчики «хавали» всё, что им предлагал рынок. Теперь клиенты хотят конкретики: увеличить продажи, улучшить мотивацию, сделать из руководителей управленцев. И всё за два тренинговых дня, и за недорого. Поработай в таких условиях! Но и то жить можно, если бы не урезали повсеместно бюджеты. Мы же не «Прайсы» и не «Делойт», как бы ни грезила об этом Алёна. Сейчас за каждого клиента и клиентика приходится грызться зубами. Идти на любые скидки. Работать почти в ноль. Лишь бы не остаться совсем без работы.

Поток невесёлых мыслей прерывает приход первой сотрудницы. Аня влетает, распахнув двери:

– Доброе утро, Алексей Викторович!

– Доброе! – не поднимая головы.

Вот и весь утренний ритуал. При нашей работе, когда тренинги высасывают все силы, не до трёпа. Да и не о чём болтать хмурым апрельским утром.

Полностью отдел собирается только к половине десятого. Как ни старался, так и не смог приучить «бойцов» появляться в офисе вовремя. Выговоры, лишение премии, даже увольнение (одну красавицу, для остротки, пришлось вышвырнуть) не помогли. В итоге, вспомнив, что «если не можешь решить проблему, измени отношение к ней», смирился сам.

Провожу планёрку. Намечаю задачи: с понедельника начинаем проект по обучению менеджеров в корпорации «АМЛ», 22-го числа ещё один тренинг. Есть над чем попотеть всему отделу.

В десять заглядывает Серёга.

– Привет, ромашки! Работу работаете или бездельничаете?

Весь кабинет заполнил пивным брюхом, непрерывным размахиванием рук, зычным голосом. Толком не пойму, какие функции у Сергея. Что-то вроде личного ординарца у Алёны. Как особа, приближённая к императрице, позволяет себе всё. То Аню по мягкому месту шлепнет, то на Диму прикрикнет. Уже не раз цапались, ходили к шефине на ковёр. «Ну, ребята, помириться!» – промурчала Алёна. На состоянии «холодной войны» всё и остановилось.

Серёга швыряет мне на стол две чековые книжки. Рядом, преувеличенно аккуратно, кладёт бумажечку с цифрой и основанием платежа. Как обычно: «приобретение расходных материалов».

– Леха, цигель-цигель! – это мне.

– Знаю! – отрываюсь от монитора, заполняю чеки.

Началось это давно. Я только пришел работать в «V.I.P.». Забот полон рот: Алёна задумала создать консалтинговую компанию уровня «Прайсов» и мы пахали день и ночь. Вернее, днём создавали концепцию, прописывали бизнес-процессы, нанимали персонал, ремонтировали офис, а ночью думали. У нас как раз родилась Верочка. Приходилось несладко – вымотаешься на работе, а ночью у малышки режутся зубы, ревет белугой. Как не сошел с ума – не знаю. Помогла йога. Полчаса асан, пранаяма в полулотосе, шавасана на полчаса с плеером в ушах – и можно жить дальше.

Примерно через полгода уволилась толстуха из финотдела. Ну, свалила и ладно – мне—то какое дело. Ан, нет! Вызывает Алёна и начинает издали – так, мол, и так, есть несложная работёнка, надо её кому-то поручить. «Можно узнать, что за работа?» «Да так, – говорит, – мелочь: надо ежедневно заполнять определённые финансовые документы. При этом я буду доплачивать вам сто долларов в месяц». Ну, думаю, деньги, конечно, плёвые, но и работа не бей лежачего. Пять минут в день выкроить как-то смогу. «Согласен».

С тех пор каждый день, к десяти, Серёга бросает мне на стол небесно-голубые угольники чековых книжек и сопроводилку. Быстренько заполняю. Толстяк, собрав чеки, уходит вниз, в кассовый зал. Меня эта ерунда не напрягает и от основных задач не отвлекает.

После визита Сергея спокойно занимаемся делами. Где-то в пол-одиннадцатого молодёжь тянется на перекур. Остаюсь в офисе почти один – только на ресепшн секретарь сёрфит в Инете. Я завариваю зелёный чай, когда к прозрачной перегородке, отделяющей наш офис от лестницы, подходит какой-то тип. Стучит по стеклу и кивает секретарше. Ольга, похоже, узнаёт визитёра и жмёт кнопку открытия двери. К моему удивлению мужик, неприятно улыбаясь, подходит ко мне:

– Пойдем, покурим!

– Не курю! – слегка отодвигаюсь.

– Да пойдём, пообщаемся, – подходит ещё ближе. Карие, с прозеленью, глаза – два провала, наполненные до краёв бешенством, прокуренные до желтизны зубы под щёткой коротких усиков. Молча вынимает из кармана помятого пиджака красную книжечку. «Комитет безопасности государства. Полковник Волков...» Недочитываю имя и отчество. Всё вокруг словно подергивается поволокой. «А отпустил бы ты меня, прокуратор!» Спускаемся вниз. Пока идём, немного прихожу в себя. Может быть пустая формальность, хочет что-то спросить? Ступеньки скоро заканчиваются. Мы – в холле. Охранник смотрит вслед с недоумением. В «предбаннике», между дверей, полковник останавливается. Вместо сигарет достает, отливающий малиновым светом, мобильник. В следующую секунду жмёт кнопку и шепчет: «Быстро!»

Время затормаживает ход. В замедленном режиме вижу, как отползает в сторону дверь синего микроавтобуса с тонированными стёклами. Из брюха машины вальяжно выползают закованные в бронежилеты здоровяки. Они медленно преодолевают десять метров до дверей банка и, словно плывя, входят в «предбанник».

Потом секретарь клялась жене, что арест занял секунд пять, не больше.

Света Хлебникова

И чего я попёрлась работать в эту конторку? Сама не пойму! Уже вроде не девочка – тридцать седьмой (ох, как много!) пошел. Начиналось все вроде неплохо: только вернулась из Штатов, искала хоть какую-то работу. А тут подруга говорит, что знакомой нужен преданный человек для работы в финансовой сфере. Ну, экономический я ещё пятнадцать лет назад закончила, восемь годков отпахала кассиром, так что иметь дело с деньгами не привыкать.

Встретились. Начальница, конечно, ещё девочка – лет двадцать восемь. Зарекалась я с молоденькими руководителями дело иметь, но... Сейчас не до жиру. Мужёнок куда-то, ещё в США, испарился; сбережения, что накопила, вытирая сопли чадам «новых русских», уже заканчивались. Короче, согласилась. Работа несложная: утром надо получить по «клиент-банку» информацию со счетов, подготовить распечатку и предоставить руководству. В течение дня – текущая работа. Мне такой график подходит – мечтала в квартире какой-никакой ремонтик сделать. Можно было и отпроситься – проконтролировать рабочих, и к доктору сбегать, если совсем прижмёт. Ау, где ты, спортивное детство? Как я плавала! Меня тренер называл «золотая рыбка». А сейчас? После Америки замучили головные боли, давление скачет, особенно на погоду. Короче, что это я расклеилась, словно бабка старая? Какие наши годы!

Ну, пошла я работать в этот «V.I.P.». Говорила мамочка: «Где мягко стелят, там жестко спать!» Поначалу все шло хорошо: быстренько разобралась в «клиент – банке», подружилась с девчонками. В общем, всё замечательно. Утром, как приду на работу, сперва запущу систему на приём, потом попьём чайку-кофейку с Женькой и Викой. Тут уже данные пришли (пятнадцать фирм вела!) – пора к Виолетте, на ковёр.

У себя в кабинете Вета держится словно королева – на «Вы» и шёпотом. «Сколько зашло и от кого?» – это ко мне. Я по распечаточке докладываю. Виолетта контролирует по ноутбуку: все ли, кто собирался, проплатили? Сверку закончили. Теперь кому, когда и сколько. Это – к Серёге. Он у нас главный по работе с клиентами. «Так, Сережа. Дику – сто тысяч деревянных, Строителю подготовь двадцать тысяч „зелёных крокодилов“, Инею – двадцать восемь тысяч наших. Рыбак звонил с утра, сказал, что заедет сам». Всё, планерка закончена. Теперь можно передохнуть.

Идем в курилку. Алёна загнала нас в комнатку без окон. Так даже чем-то лучше – сразу накуриваешься. Посидели с Викторией и Серёгой, потрепались. Крепыш «покакнул» и побежал чековые книжки на подпись раздавать. Пора и нам «работу делать». Пересылаю файл Коле. Сидит пацанёнок у нас на подготовке клиентских пакетов документов. Деньги же выдать мало, надо их сопроводить правильными бумажками. Сперва договор под платеж – обычно там мудо-

ть какая-нибудь, типа юруслуг, консалтинга или анализа рыночной конъюнктуры. Хотя клиенты частенько требуют конкретики. То мы «строим» что-нибудь, то, для Дика – эксклюзив, продаём оборудование для монтажа компьютерных сетей. О да, недавно зашёл жирный клиент – мы для него обувь «шьём».

– Ну, пошло, родимое! – это я письму. Полетели платежи в почтовый ящик Кольке.

Теперь топаю в чулан, где обитает лопухое смышлёное создание.

Колька, как всегда, режется в стрелялку.

– Оторвись от компа, чудо!

– Да, Светик. Слушаю и повинуюсь! – смотрит в глаза и лыбится. «Ребёнок!».

– Получил письмо?

– Яволь, майне фюрер!

– Через час приедет Строитель, Рыбак – к обеду. Подготовь пакеты. Суммы, основания, номера договоров – в файле платежей. Не подведи, бездельник! – смотрю строго. Ему только волю дай – весь день простреляет, чадо беспечальное.

– Будет сделано, ваше высочество! – опять рот до ушей.

– Так-то. Перешлешь, как будет готово – проверю. В прошлый раз ты столько ошибок наделал и в договоре, и в налоговой накладной, и в отгрузочной, что главбухша Дика чуть инфаркт не получила. Чудо! Давай, приступай!

Двадцать один сопляку. Сын нашей уборщицы. Попросила пристроить студента. У меня почти такой же мог бы бегать. Да не вышло. Вначале я не хотела – думала пожить для себя. А потом, когда забрали меня из кассы по «скорой» с разрывом маточной трубы – стало невозможно. Что мы только ни делали! Даже машину продали для двух сеансов ЭКО – всё без толку. Как не грустно, придется, наверное, смириться.

Так. Собрались, не расклеиваемся. Хорошо, что в конце дня можно с девчонками пару капель коньячка опрокинуть, чтобы попустило. Но до шести ещё как до Киева рачки. Пошла работать, Светочка!».

Таков был рядовой день в нашей конторке. И всё было чудесно: зарплата шла, премии, если особо хорошо сработали, Алёна выдавала в «убитых енотах». Ремонтик я почти закончила. Начала мебелишку прикупать. Мне так хотелось шкаф с раздвижными стенками: чтобы зеркало во всю дверь, от пола до потолка! Уже заказала, оставалось зарплату дожидаться и купить. Но тут всё пошло наперекосяк.

Началось с проверки налоговой инспекции. Посидели они недельку, ничего не высидели. Выписали какой-то мизерный штраф – чтобы не обидно было. Мы им конвертик собрали – ушли.

А через неделю, как сейчас помню, был понедельник – день тяжелый, влетает ко мне в комнатку Колюня, аж белый весь, орёт: «Обыск!!!» Ну, мы бегом в ту каморку, где у нас сейфик с печатями и чековыми книжками. Кричу: «Хватай сейф!» Ящик железный – хоть и размером с маленький чемодан, но тяжёлый, зараза! Коля его еле поднял. Метнулись в дальние комнаты – они у нас пустуют, спрятали сейф под стол и тряпкой накрыли.

Через пять минут в дверь загрохотали. Секретарь открыла – десяток здоровяков в масках ворвались в офис, и давай всех выволакивать из комнат. Чудом пронесло – подёргали закрытую дверь в комнату, где сейф стоял, спросили, что там. Мы ответили, что комната пустая и ею никто не пользуется. Поморщился какой-то мужик в штатском, но дверь ломать не велел.

Нас продержали в столовой три часа, пока шёл обыск в банке и агентстве. Даже в туалет не выпускали, гады. Потом погрузили в микроавтобусы и повезли куда-то. Там растащили по комнатам, что-то спрашивали. Своему вопрошателю – бритоголовому качку в потёртом свитере, я так в лоб и сказала, что ничего не знаю, и говорить не буду – не о чем. Он попробовал на меня орать, но видит, что не на ту напал, заткнулся и куда-то вышел. Ну, просидела так с час. Пришел, наверное, их старший – видный мужчина: высокий, импозантный, в доро-

гом костюме. На Кевина Кёстнера похож. Знает, гад, что бабам такие нравятся. Пытался меня обаянием взять. Но я ему тоже кратко объяснила, что я человек маленький и понятия ни о чём не имею.

Расспрашивал меня о должностных обязанностях. Так я ему, дура, ляпнула:

– Работа с финансовой отчётностью.

Он сразу, лис хитрый:

– А с какой отчётностью?

Поняла, что сплоховала, даю заднего:

– Разной. И не упомяну даже – память совсем плохая.

Погрустнел сразу красавчик.

– Ладно, – разочарованно так протянул, – Вы свободны. Пока. Вот пропуск.

Вылетела от них как пробка из шампанского. Тут директриса на мобилку звонит. «Стоим, – шепчет, – в переулке. Белый микроавтобус. Подходи». В машине уже все наши сидят. Алёна выпытала у каждого, о чём спрашивали, что отвечали. Все сообщили, что ничего не сказали. «Ну и отлично. Так держать!» – это стерва всех поблагодарила за то, что её тощую задницу прикрыли. Спасибо, хоть развезли по домам, а то уже почти полночь была. Да, и на утро Алёна разрешила всем прийти попозже. Спала я той ночью неважно – растеребили нервы, гады! Пришлось корвалолола хорошо накапать, чтобы сердце перестало в груди скакать.

Ну, если и были наивные, кто думал, что всё пойдёт как прежде, то они ошибались. Теперь микроавтобус налоговиков дежурил с самого утра возле входа в банк. Клиенты к нам прийти не могли. Серёге приходилось выносить деньги через чёрный ход и самому ездить по клиентам. Кинет сумку через плечо, в «Лансер» втиснется и колесит весь день по городу.

Потом пришёл день, когда арестовали прямо в офисе Алексея, нашего тренера. Я не видела. Слышала только, как юристка кричала во дворе словно резаная. А вечером позвонила Ира, Серёгина жена, и полчаса рыдала в трубку, что Серёженьку взяли прямо возле банка.

Вот и всё. Пора искать новую работу

Полковник КБГ Волков В. С.

Спёкся, голубчик! Попытался рыпнуться, да ребята вовремя подоспели – заломали, как миленького, и в автобусик зашвырнули. Теперь катим в Управу. Первые минуты после ареста самые важные: не расколешь сразу же – задержанный придёт в себя, выстроит защиту, спрячется, как улитка в домик, и его оттуда ни за какие коврижки не выманишь. А вначале он испуган, подавлен. Дожми его, пострашай, потом, наоборот, расслабь – и он твой. Тёпленький, на блюдецке, готовый давать информацию и подписывать признание.

Методы стары как мир: хороший следователь – плохой следователь, угроза насилия, намёки на проблемы у близких, или же наоборот – честность, гордость. Но с этим сейчас напряг – обмельчали людишки, потеряли стержень. Какая честь и гордость? Слова такие позабыли. Нынешних надо давить, жать масло, чтобы аж пищали от страха. Придави чуть посильнее – и уже строчит, сладенький, на подельников всё, что нужно.

За окнами – весна. Хочется отдохнуть, побродить по зеленеющим лугам, а здесь возись со всякой поганью!

Пока наша группа брала Рыжова, Борисов принял второго у заднего входа «Кристалла». Он уже, красавец, куда-то намылился. Взяли чётко, как на учениях: заблокировали «Лансер» джипами, высадили стекла и выволокли тёпленького через «лобовуху», мордой в асфальт. «Браслеты» на руки – и в Управу. Хорошо бы ещё Железнову взять. Но её, похоже, кто-то предупредил: дома не ночевала, «наружка», олухи, потеряли её «Микру» в потоке машин. Ладно, пусть пока погуляет.

Приволокли мы приятелей в Управу. Как положено, развели по разным кабинетам: Рыжова – ко мне, Нагнибеду Борисов забрал. Дальше, по ходу, будем сменяться. Посадил злодея за стол, дал листок бумаги, ручку – пиши, сволота!

Алексей Рыжов

Шок после ареста силён: я словно попал в лобовое столкновение. Всё вокруг на время становится призрачным: великаны в серых комбинезонах с надписью «КБГ» на спине, полковник с перекошенным от злости лицом, фигурка юристки на площади перед банком.

Автобусик с затенёнными стёклами несётся по центральным улицам. Вокруг – привычная суета: куда-то спешат люди, сияют витрины магазинов и ресторанов, мчатся автомобили. Остановилась только моя жизнь.

Тормозим возле невзрачного трёхэтажного здания.

– Выходи! – здоровенный жлоб подталкивает в спину. Поднимаемся на второй этаж. Заводят в кабинет: на стене – щурящийся в подобии улыбки Гарант, два стола, жёсткий стул. Полковник, подойдя со спины, швыряет на стол пакет, под завязку набитый чеками.

– Узнаёшь?

Молчу.

– Вот тебе лист бумаги, ручка. Пиши!

– Что писать?

– Правду! О том, как воровали деньги у пенсионеров и врачей!

Ушёл. Десять минут сижу над листком бумаги. В голове, полностью опустошённой, вертятся слова арестованного Христа: «Се есть ваша година и область темная». Вывожу их церковно-славянским шрифтом. Сверху пририсовываю восьмиконечный крест.

В комнату почти вбегает полковник, хватая листок. Несколько секунд смотрит, пытаюсь осмыслить написанное.

– А-а-а! Так ты смерти нам желаешь?! – лоб кэбэгэшника пересекает вздувшаяся вена.

Молчу. Если идиот не читал Евангелия, я, что, буду его учить?

В памяти всплывает фраза из американских боевиков:

– Я буду говорить только в присутствии своего адвоката.

Комитетчик дергаёт головой, словно его комар укусил.

– Будет тебе адвокат и какава с сахаром! Пошли!

Вооружённый гоблин в мышинового цвета комбинезоне одевает наручники. Опять бредём бесконечными коридорами к лифту. В зеркале отражается мужчина в костюме из полированной шерсти со скованными наручниками руками. «Галстук немного не в тон – торопился».

– Можно в туалет? – смотрю на провожатого. – Товарищ полковник, очень надо!

– Тамбовский волк тебе товарищ, – ворчит полковник. – Отведи!

– Вперёд! – здоровяк берёт меня за наручники. Стальные кольца врезаются в запястья.

В туалете у комитетчиков писсуары с фотоэлементами. То, что надо человеку со скованными руками. Ширинку неудобно расстёгивать, а так – терпимо. Долго стою в туалете: хочется потянуть время относительной свободы. За открытым окном – иссечённое решёткой, но всё же небо...

– Пошли! – гоблин тащит меня за наручники.

Заводят в комнатку. На столе – томик уголовно-процессуального кодекса и вездесущий листок бумаги.

Полковник присаживается напротив. Неторопливо загнув край листка, проводит пожелтевшим от никотина ногтем по острому сгибу и начинает писать.

Вопросы вылетают изо рта комитетчика с пулемётной скоростью.

– Фамилия, имя, отчество?

– Рыжов Алексей Викторович.
– Год и место рождения?
– 1968-й. Загорск.
– Образование?
– Высшее. Загорский госуниверситет, математический факультет.
– В каком году пришли на работу в консалтинговое агентство «V.I.P.»? – Волков закуривает.

– Точно не помню. Лет пять назад.

Окна закрыты жалюзи. Часы и мобильный отобрали. Ощущение времени пропало. Кажется, что так было всегда: стол с потертыми краями в крохотном кабинете и гамадрил с прилипшими к черепу волосами напротив.

– Я отказываюсь отвечать на ваши дальнейшие вопросы. Такое право у меня есть в соответствии с 63-й статьёй Конституции, – опускаю голову.

Следователь вскакивает. Мгновение – и он начинает кружить вокруг стула словно коршун в поисках добычи.

– Так, говоришь, не будешь? – шипит, неожиданно потерявший голос, комитетчик.

Молчу, повторяю про себя мантру. Попрыгав недолго, Волков успокаивается.

– Вот бы тебя, б...ь, кодексом да раз десять по черепушке, – мечтательно протягивает он, закуривая следующую сигарету.

Словно вызубренный урок, повторяю:

– Я хочу пообщаться с моим адвокатом.

– Будет, будет тебе адвокат, дорогой! – голос полковника опять сползает до шипения, – но после. После того, как ты, падла, расскажешь, как вы с друзьями пенсионеров и учителей обкрадывали!

Изучаю пол: грязноват линолеум, редко убирают у комитетчиков.

– Ну что, будем рассказывать правду? – следователь настойчив.

Отвечаю молчанием. Пикает мобильник полковника. Бросив взгляд на экран, Волков бормочет:

– Ну, ладно. Посиди, подумай! – и выходит. Щёлкает замок.

Полковник КБГ Волков В. С.

Питбуль вызывает. Бреду коридорами. Уже знаю, что будет спрашивать, что будет требовать, танкист херов.

– Разрешите, товарищ генерал?

– Заходи, Волков! Чем порадуешь? – острый взгляд из-под седых бровей

– Пока молчат, товарищ генерал, – «Подчиненный вид должен иметь лихой и слегка придурковатый».

– Ну так, разговоры! На хрена тебе государство деньги платит? Чтобы эти дятлы воровали деньги у стариков и учителей? – и кулаком-кувалдой по столу так, что кофе выплеснулся на изумрудное сукно. – Делай всё, что нужно – хоть в жопу трахай, хоть в рот, но чтобы эти два ушлёпка рассказали всё, что знают о хозяевах «конверта»! Или, на хрен, пиши рапорт! Свободен!

Рыжов Алексей

От скуки осматриваюсь вокруг. Два стола с заботливо оббитыми кожей углами. На столах – чернеют мониторы и клавиатуры. Следователи допрашивают задержанных, утопая в мягких креслах. Для «гостей» – стулья. Между столами – шкаф почти под невысокий потолок.

В углу – сейф высотой в человеческий рост. Вот, пожалуй, и всё. На потолке позванивают лампы дневного света, закрытые решёткой.

Томительно долго ползут минуты, складываясь в часы. Сердце перестаёт колотиться, дыхание успокаивается, клонит в сон.

В комнату, хлопнув дверью, врывается следователь:

– Встать!

Неторопливо поднимаюсь. Полковник не один, с ним ещё двое.

– Ну что, так и будешь молчать?

– Говорить не о чем: не видел, не знаю, не помню.

Стою, смотрю сквозь полуприкрытые веки на троих. Замечаю сжатые кулаки с побелевшими костяшками, сузившиеся глаза. Вижу, как вздымаются от учащённого дыхания грудные клетки оперов.

– Жаль, что сейчас не тридцать седьмой! Мы бы живо тебя разговорили, – свистит сквозь зубы полковник. – Рассказывай, сука!!!

– О чём?

– Обо всём, пидар! Кто руководил? Кто клиенты? Кому и как передавал «отмытые» деньги?

Смотрят в глаза и недобро скалятся.

– В спортзал его! – полковник взмахивает рукой. – Там и поговорим!

Лестница – залитый мертвенным светом люминесцентных ламп коридор – гулкая пустота зала. В одном углу дремлют штанга и пара гирь. В другом – макивара и настенные мешки. Похоже, комитетчики поддерживают здесь физическую форму.

– Стой в центре! – это ко мне. – Поехали!

Мощный пинок сбивает меня с ног. Упав на пол, оказываюсь под градом ударов. Бьют грамотно – почки, живот, суставы. Похоже, их задача не покалечить меня, а заставить испытать максимальную боль. Сжимаюсь. Локтями, коленями пытаюсь прикрыть наиболее слабые места. Одновременно стараюсь, как учил Мастер, максимально расслабить тело. Ползаю ужом по грязному полу, уворачиваясь от ударов.

– Будешь говорить, сука? – рычит полковник.

– Учите матчасть, идиоты! Знал – рассказал бы! – стараюсь разозлить себя, чтобы выброс адреналина заглушил боль.

Неожиданно всё прекращается. Двое отходят к стене. Ощупываю себя: больно, но вроде бы ничего не повредили.

Через мгновение в зал входят ещё двое. Один принёс стул: подтаскивает меня за ноги и силой усаживает; другой становится сзади и держит мои плечи; третий садится на вытянутые ноги; четвёртый, держа увесистый том кодекса, становится в стороне, так, чтобы я не мог его видеть. Подойдя поближе, полковник становится напротив.

Мне страшно. Поднимающийся из глубин живота, непреодолимый ужас ползёт вдоль позвоночника, перехватывая дыхание. «Чувствую, что меня хотят убить!» Тело каменеет в ожидании боли. Пытаюсь глубоко дышать, чтобы хоть немного ослабить невыносимое напряжение.

Не говоря ни слова, полковник кивает. Стоящий справа лупит кодексом по голове. Внутри черепа словно взрывается граната. После пятого удара перед глазами плывут круги. Самое ужасное в боли то, что не знаешь, как её прекратить. Полковник ничего не спрашивает. Он просто убивает меня. Удары наносятся через неравные промежутки, чтобы я не приспособился. Как будто к ТАКОМУ можно привыкнуть!!! После десятого удара в голове гудит Царь-колокол, перед глазами вспыхивают звёзды. Кажется – ещё немного и я сойду с ума. Неожиданно удары прекращаются. Все пятеро, по-прежнему не говоря ни слова, выходят.

Меня оставляют в покое надолго. Медленно прихожу в себя. Из носа каплет кровь. Солоноватый вкус ощущается на губах. Плечи и шея словно стянуты канатами. Голова вот-вот развалится на части. Всё тело ноет. «Господи, за что?!».

Через какое-то время в зал входят уже шестеро. Меня спихивают со стула и усаживают на пол с вытянутыми ногами. Один из палачей подключает к розетке ящичек с проводами.

– Ну что, сука, вспомнил? – полковник смотрит в глаза.

– Н-е-е-т!!! Требую адвоката! – пытаюсь кричать, но из груди вырывается только шёпот.

– Скоро тебе будет совсем хорошо, дорогой! – палач почти нежен.

Вижу, как большие пальцы рук зачем-то обматывают полосками мокрой ткани. Фаланги обвивают оголённым проводом, концы которого уходят в страшный ящик. Помощники следователя крепко держат меня за руки. Двое садятся на ноги. В пугающей тишине слышен щелчок аппарата.

До этого я не знал, что такое страдание! Тело словно распадается на куски от адской боли. Я вою, стону, плачу. Электрический ток пронзает каждую клеточку, каждый атом содрогавшейся от спазмов плоти. Всё тело извивается в конвульсиях. Эту боль невозможно контролировать, ею нельзя управлять. Я уже хочу одного – умереть, раствориться в черноте несуществования. Смерть будет желанным избавлением!

Несколько секунд передышки. Электроды прикрепляют к ушам. Между зубов всовывают деревянную палку. «Держи крепче!» Щелчок тумблера – и снова неопишуемая боль! Мышцы шеи и плеч сводит чудовищной силы спазм. Глаза словно закипают изнутри. Я рычу от боли. Тело пытается сбросить несущие мучение провода. Но палачи крепко держат меня за ноги и руки. Видя, как моё тело выгибается дугой, садисты хохочут. Словно проваливаюсь в чёрную дыру: нет времени, нет пространства, только всепоглощающая боль! Я проклинаю тренированное сердце. Лучше бы ты остановилось сейчас, прекратив страдания! Но изверги опытные и не дают разряд дольше нескольких секунд: им надо чтобы я не сдох, а подольше помучился.

Когда я теряю всякую возможность соображать и забываю собственное имя, когда в опустошённом сознании не остаётся ничего, кроме желания умереть, мучение прекращается.

Палачи выходят. Лежу, не в состоянии поверить, что боль ушла. Каждая клеточка тела вибрирует и горит изнутри.

Вновь тишина. Где-то бесконечно далеко гудят автомобили, торопятся домой люди, а здесь – безмолвие и тусклый свет под потолком.

Больше меня не пытаются.

В середине ночи полковник, не то устав от моего упрямства не то подчиняясь чьему-то приказу, произносит:

– Хреново, но сойдёт. О других ты говорить не хочешь. Давай хоть о тебе покалякаем. Кто родственники? – и пододвигает лист бумаги.

– Жена, сын, дочь, отец. Жена – Елена. Детей вы и так знаете.

– А брат? – наливает воды.

– Погиб в 85-м, – трясущимися руками подношу стакан ко рту и пытаюсь пить, но вода проливается мимо рта.

Записывает данные отца.

– Мать?

– Умерла двенадцать лет назад от рака.

«С моих слов записано верно». Дата. Подписать протокол смог, только придерживая правую руку левой.

Похоже, на сегодня всё. Дремлю в ожидании дальнейших событий. Как блаженны мгновения без боли и страданий! В кабинет заходит уже знакомый медведь, с ним один из палачей. Сталь наручников змейкой обвивается вокруг запястий: «Пошли!». Коридоры, лифт, автобусик.

Глава 2. Изолятор Временного Содержания (ИВС)

Теперь город пуст – ночь. «Мазда» несётся по пустынным улицам куда-то в центр. Подъезжаем к высокой стене с раздвижными воротами. Один из провожатых вытаскивает из сумки бутылку водки; пошептавшись со вторым, уходит к проходной. Дверь автобусика остается открытой. В салон врываются запахи городской ночи: вонь нагретого асфальта, бензина и забивающий всё горьковатый аромат зелени. Невдалеке шёлкает соловей. Гудит двигатель, ворота неторопливо сдвигаются в сторону. Въезжаем вовнутрь. Появляется уходивший опер: «Идём!». Выползаю из автобусика – квадратный дворик, крыльцо и синяя дверь с окошком. Сопровождающие доводят меня до крыльца. Грохочут засовы, в глаза бьёт яркий свет. Дальше иду в сопровождении мрачного вида мужика в зелёной форме. Заполняют какие-то документы. Ведут в комнатку со столом, покрытым чернильными пятнами.

– Раздевайся!

Снимаю костюм, рубашку. Галстук и ремень тюремщик откладывает в сторону. Проверяет каждый карман, тщательно прощупывает швы пиджака и брюк. Часы и обручалку кладёт в кулек.

Касается креста.

– Золотой?

– Да.

– Снять!

Смотрю недоуменно.

– Почему?

– Не положено.

Снимаю крест.

Остаюсь в одних трусах.

– Снять!

– Зачем?

– Молчать! – рука тюремщика тянется к дубинке на поясе.

Раздеваюсь догола.

– Присесть десять раз! Наклониться!

Смотрит мне в зад.

«Отчего же фонариком не осветил, проктолог хренов?» – думаю со злостью.

– Открыть рот! Одевайся!

Натягиваю одежду.

– Руку сюда!

Тюремщик мажет руку чем-то синим и, крепко сжав кисть, перекачивает подушечки пальцев по серому бланку. Герой какого-то фильма назвал это «игрой на рояле». Похоже. Все процедуры позади. Уже другой харон («Руки за спину!») ведёт бесконечно-длинными коридорами. Одни двери-решётки, вторые. Каждый раз, пока открывает замок:

– Стоять! Лицом к стене!

Ковровая дорожка цвета запёкшейся крови гасит звук шагов. Бесшумно идём мимо нескончаемого ряда выкрашенных в тёмно-зелёный цвет дверей.

– Стоять! Лицом к стене!

Провожатый снимает с пояса длинный ключ и проворачивает в замке. Клацает отодвигаемый засов. Дверь открывается бесшумно.

– Заходи!

Ступаю со света во тьму. Первое, что бросается в глаза – экран телевизора, висящего под потолком. По изумрудному полю бегают разноцветные фигурки. Глаза постепенно привыкают к полутьме. Различаю очертания двух нар. Все четыре места на них заняты.

С нижней нары привстаёт долговязый мужчина. Не отрывая глаз от экрана, машет рукой куда-то в дальний угол. Там, прямо под телевизором, нахожу три табуретки. Мне уже всё равно на чем спать. Измученное тело ноет и болит. Кое-как вытягиваюсь на твёрдых квадратиках и проваливаюсь в забытье.

Утро. Лампа над входом вспыхивает сверхновой звездой. Мучительно трудно расправляю затёкшие ноги. Вскоре начинают шевелиться и соседи.

Первым скатывается на пол кругленький мужичок лет пятидесяти. Дружелюбно улыбается. «Новенький?». Не дожидаясь ответа, проскальзывает за перегородку, где долго журчит струей мочи. Затем, фыркая от удовольствия, умывается. Шум в камере будит остальных.

– Иваныч, дай поспать! – черноволосый здоровяк на нижней наре переворачивается на другой бок.

Ловлю на себе взгляд ещё одного проснувшегося.

– Новенький?

– Да, – смотрю на растрёпанную голову.

– Ну, тогда добро пожаловать!

В середине дня из камеры «с вещами» забирают двухметрового брюнета. На его место перекачивается толстяк. Как новенькому, мне достаётся верхняя нара. С трудом вскарабкиваюсь на второй этаж.

После сумасшествия последних дней трудно перейти в режим неторопливого существования. Время, до вчерашнего дня нёсшееся со скоростью сверхзвукового истребителя, вдруг, по велению внешней воли, становится тягучим словно клей. Его так много, что поначалу просто не знаешь, что с ним делать.

В камере нет книг и газет. Зато валяется куча сборников кроссвордов. Они все, кроме самых сложных, разгаданы предшественниками. «Древнегреческий бог торговли и воровства. 8 букв. Первая – «эм».

В томительном ожидании проходят два дня. Утром третьего дня в «кормушку» всовываются смоляные усы:

– Рыжов, на выход! Без вещей!

Снова длинный коридор. Провожатый заводит в комнатку. Выкрашенные в темно-зелёный цвет стены, два стула и стол. Пытаюсь пододвинуть стул и не могу – он привинчен. Присаживаюсь и смотрю на сидящего напротив парня со смешной чёлкой.

– Ну, что, Рыжов? Будем рассказывать? – смотрит в глаза.

– О чём? – отвечаю недоумённым взглядом.

– О работе конвертационного центра, в котором вы принимали самое непосредственное участие, – взяв ручку, заносит её над листком бумаги.

– Понятия не имею, о чём вы говорите. Ни в каком конверт... Слова даже такого выговорить не могу, я не работал. Я – сотрудник агентства «V.I.P.».

– Ага! Так этого факта вы не отрицаете? – радостно начинает строчить что-то на листке.

– Какого факта? – с тоской смотрю на покрытые нежной зеленью деревья, отсечённые от меня густой решёткой.

– Того факта, что вы являлись штатным сотрудником фирмы «V.I.P.».

Поняв, что совершил ошибку, сдаю назад.

– Вы можете подтвердить или опровергнуть данный факт при рассмотрении приказов по штатному расписанию нашей компании.

Опустив голову, рассматриваю выщербленный поколениями зеков пол. В том же темпе, с ленью той, допрос тянется ещё часа полтора.

В итоге, слегка расстроенный, но старающийся сохранить непроницаемое лицо, следовательно, в последний раз смахнув с глаз непослушную чёлку, протягивает протокол допроса.

Пробегаю глазами – ничего опасного.

– Я не буду это подписывать.

Следователь едва не подпрыгивает на стуле, благо привинчен он крепко.

– Как это не будете?

– Да вот так! Не-е хо-чу! Всё!

Побагровев, комитетчик пишет в конце протокола: «От подписи отказался» и вылетает из комнатки. Тут же входит конвоир.

Дни тянутся за днями. Утро: фыркание соседа за стенками туалета, короткий обыск. Затем – томительно-долгое ожидание прогулки, кружение в залитом цементом дворике. Пол в нём усыпан плевками предшественников вперемешку с бычками. Дико смотрятся среди грязи девственно-белые лепестки вишни, цветущей прямо над прогулочным двориком. Сосед ворчит: «Опять весна, опять грачи. Опять тюрьма, опять дрочи».

Утром четвёртого дня знакомые усы цвета сажи вползают в «кормушку»:

– Рыжов! С вещами!

Вначале не могу поверить. «На волю! Слава Богу! Я уже достаточно настрадался. Кто-то решил, что с меня хватит и меня отпускают». Собираюсь за минуту.

– Готов?

Бесчисленные двери ИВС, одна за другой, открываются с хищным клецаньем. Дворик, в нём – до боли знакомая синяя «Мазда». Внутри – два дуболома в мышинного цвета комбинезонах и полковник.

– Покатаемся? – смотрит недобро, челюсти бороздят волны желваков.

Молча залажу вовнутрь.

– Трогай!

Город такой родной, такой желанный, принимает автобусик в объятия. Близок май. Воздух напоён радостью и теплом. Но в сердце стынет холодок. «Зачем меня куда-то везут с вещами? Соседи что-то говорили о следственных экспериментах, на которые вывозят из ИВС. Но какие у меня эксперименты?»

«Мазда», урча, вползает во двор серого двухэтажного здания. Клацает сдвигаемая дверь. Полковник неторопливо уходит к строению. Дверь оставляет открытой.

Один из гоблинов выползает покурить. Второй смотрит настороженно. Двор совсем невелик: если рубануть одного медведя по шее и рвануть к забору, то можно успеть. Но только теоретически – охранников двое, на брюках нет ремня, туфли – без шнурков. И главное – даже если и сбежишь, то куда?

Дома меня будут ждать. А куда ещё податься, если ты не вор и верные «марухи» не грустят о тебе в уютных «хазах»? Выбрасываю глупые мысли из головы. Просто наслаждаюсь щебетанием птиц и дуновением ветерка.

На краю дворика появляется женская фигурка. Неуверенно приближается. «Жена!» Лена в белом сарафане с открытыми плечами. Любимая так прекрасна и желанна, что перехватывает дыхание. Осторожно подходит к автобусику. Курящий гамадрил останавливает её:

– Гражданка, вы куда?

– Можно я поговорю с мужем? – нервно теребит шлейку платья.

– Не положено, – спецназовец суров и неприступен.

– Очень прошу! Пожалуйста! – купюра незаметно переползает в ладонь охранника.

– Недолго! – гоблин достаёт вторую сигарету и закуривает, отойдя немного в сторону.

За три дня и ночи я сочинил в уме десять писем любимой, но сейчас все слова предательски застревают в горле. Молча беру её руку.

– Шеф говорит, что всё будет хорошо, что ты скоро выйдешь на свободу. Надо только немного потерпеть!

– Как вы?

– У нас всё нормально: Андрюшка всё понял и молчит, а Верочка перед сном каждый день спрашивает: «Где папа?», – родной голос дрожит и грозит порваться, словно тонкая нить.

– Скажи ей, что папа в командировке в другой стране.

– Сказала. Не верит. Ты знаешь – она такая чувствительная. Просто детектор правды.

– Лжи. Детектор лжи, – смотрю в родные глаза и вижу в них отражение плывущих облаков.

– Какая разница! Ты как? – гладит мне руку.

– Что нам делается? Сидим, болтаем. Занимаюсь йогой и медитирую. Внушаю себе, что это всего лишь сон и скоро я проснусь.

– Ты прав, всё это – глупый сон. Скоро ты будешь с нами. Медведиха плохо спит, когда тебя нет рядом, мой умный медведь! – Лена, таким привычным, таким родным жестом проводит мне по волосам, что я едва не взываю.

– Всё, – охранник, бросив окурок на асфальт, стоит рядом. – Свидание окончено!

Жена тянется поцеловать. На мгновение задыхаюсь от влажности любимых губ и запаха родного тела.

Возле автобуса возникает комитетчик. Он ничего не говорит. Только смотрит вслед Лене.

– Пошли! – полковник ждёт снаружи.

Давние знакомые – наручники, обвивают запястья. Выходим на залитый солнцем двор. Возле входа успеваю прочесть: «Заводской районный суд». В коридоре, неожиданно, как удар, родные лица: жена, коллеги, юристка. Меня волокут, взяв за наручники. Успеваю выкрикнуть что-то подбадривающее. Мгновение – и мы возле кабинета судьи.

Здесь ждёт адвокат.

– Вас привезли для принятия решения о продлении содержания под стражей. Как вы себя чувствуете? – защитник участливо смотрит в глаза.

– Нормально.

Отвык я от сочувствия.

Адвокат даёт советы, как вести себя на следствии, ободряет, обещает. Слушаю вполуха – ему платят за оптимизм. Даже если бы меня завтра повесили, он бы так же успокоительно заглядывал в глаза и обещал, что всё будет хорошо. Моя задача попроще – выйти из передраги с минимальными потерями.

Вызывают в кабинет судьи. Прыщавая девица скороговорит: «Слушается ходатайство следствия об избрании меры пресечения в отношении Рыжова Алексея Викторовича, 1968 года рождения, обвиняемого по статьям 209, 200 и 366 Уголовного кодекса. Председательствующая – судья Горчичкина Алла Сергеевна».

Миниатюрная служительница Фемиды, похожая на ворону цветом волос и острым клювом-носом, утопает в огромном кресле. Быстро пролистывает тоненькое дело. Откладывает в сторону.

– Жалобы есть?

– Да. Меня пытали.

Судья, словно не слыша, смотрит в окно.

– Прокурор, ваше мнение?

Только сейчас замечаю в углу кабинета серую тень.

– Ваша честь, прокуратура поддерживает ходатайство следствия об избрании меры пресечения в виде ареста. Задержанный может оказать давление на свидетелей и скрыться.

Прокурор вновь становится невидимым, уйдя в тень шкафа.

– Адвокат, у вас есть замечания?

Защитник начинает пламенную речь о ста причинах, по которым его клиенту необходимо изменить меру пресечения на подписку о невыезде. Судья прерывает его на полуслове:

– Санкция по части второй 209-й статьи Уголовного Кодекса предусматривает наказание от пяти до двенадцати лет лишения свободы. Вам это известно?

– Да, конечно, – адвокат проглатывает нервный ком.

– Данное преступление относится к «тяжким». Вина подозреваемого доказывается почерковедческой экспертизой. Избирается мера пресечения в виде пребывания под стражей. Удар, резкая боль и тишина – нокаут! С ринга уносят, из комнаты судьи – уводят.

Меня вновь волокут коридором.

Дорогу назад, в ИВС, помню смутно. За спиной клацает дверь; нара принимает меня в жёсткие объятия.

Самое тягостное в тюрьме – ожидание. Что бы ты ни делал – ты ждёшь. Верить, надеяться, что вот сейчас вызовут «с вещами» и ты окажешься дома, вместе с близкими людьми.

Правда, так бывает только первый месяц. Постепенно иллюзии покидают разум. Научаешься воспринимать тюрьму как данность и просто живёшь в ней. Чем не ашрам – ограниченное пространство, отсутствие женщин, нет забот о пропитании. За тебя решают – когда есть и спать, когда мыться в душе и гулять.

Каждое утро, после промывания носа и очищения языка, сажусь медитировать. После избияния и пыток левая нога стала хуже работать – совсем не хочет сгибаться в «лотосе». Ну, да ладно – меняю позу на менее совершенную.

Пока не проснулись соседи по камере, занимаюсь пранаямой. Когда встанет Михайлович, будет уже не до дыхательных упражнений: курит сосед по две пачки в день, почти не вынимая сигарету из уголка тонкогубого рта.

– Вы понимаете в какой стране нам довелось родиться? Это была великая держава, равной которой не было в мировой истории! И её просрали бездарные политики вроде Мишки Меченого и нашего лиса Корчука. Чтоб им всем сдохнуть! – пожеланиями мучительной смерти всем политикам прошлого и настоящего Андрей Михайлович обычно заканчивает утреннюю политинформацию.

В прошлом – офицер Советской Армии, после распада Союза Михайлович долго не мог найти работу. Несколько лет назад сослуживцы – как он говорит сейчас, на его голову – предложили синекуру. На «важной» работе отставному полковнику давали подписывать какие-то договоры. Числился он предправления кредитного союза. В суть того, что подмахивает, Михайлович не вникал – до сих пор жил понятиями армейского братства и доверял друзьям. О том, что он изначально предназначался на роль зитцпредседателя, Андрей Михайлович узнал только после того, как на его широченных запястьях с трудом защёлкнулись стальные браслеты.

КБГэшники дёргают его на допросы ежедневно. Михайлович говорит, что и рад бы что-нибудь рассказать, но не может. Похоже, он совсем не понимал, чем занимался кредитный союз под его «руководством», и что за документы подписывал. Остаётся разводить руками и ворчать: «Знать бы, где упадешь – соломки бы постелил!».

Позже всех в камере встаёт бизнесмен. Подтянутый мужчина в адидасовском костюме старается спать как можно дольше. Проснувшись, долго всматривается в потолок, словно тот расписан фресками Микеланджело. Затем с тяжёлым вздохом опускает ноги на пол и молча идёт мыться.

В чём конкретно его обвиняют, Саша не рассказывает. Лишь однажды, будучи в особенно возбуждённом состоянии после допроса, бросает: «Да, я давал взятки, но, судя по тому, что я здесь – давал не тем людям» и замолкает до самого вечера.

Близятся к завершению десять дней – срок продления ареста. Опять в сердце затеплилась искорка надежды. А вдруг шеф что-то порешал? А может быть, адвокат смог убедить судью? Да мало ли что лезет в голову человеку в тюрьме!

За день до окончания срока вызывают «без вещей». «Похоже, очередной допрос», – думаю, бредя длиннющим коридором.

В допросной – знакомый паренёк с челкой и ещё двое.

– Ну что, будем говорить?

– Мне действительно нечего рассказывать. Я ничего не знаю.

– А вот ваши подельники уже всё рассказали! Почитайте!

Передо мной листок с показаниями. В дальней комнате офиса сидел пятидесятилетний мужик с отвратительным запахом из рта – Гусев. Вадим Николаевич, кажется. Чем он занимался, я не вникал. Выясняется, что он тоже заполнял дурацкие чеки.

В показаниях Гусев подробно описывает, как Нагнибеда каждый день клал ему на стол чековые книжки, потом забирал и куда-то уносил. Это всё, что он знает.

– Ну, и что? – дождавшись пока я прочитаю показания Гусева, следователь смотрит на мою реакцию. – Ваш коллега оказался умнее и сейчас находится дома, с родными. На подписке. А вы – в ИВС!

– Я буду разговаривать только в присутствии адвоката!

Как обычно, меня спрашивают о «конверте», как обычно, я ничего не отвечаю, защищаясь статьёй Конституции и требуя присутствия адвоката. Часа через полтора собеседники, устав от бессмысленной игры в одни ворота, уходят несолоно хлебавши.

Конвоир ведёт назад, в камеру. По смене обстановки вокруг, понимаю, что возвращаемся мы совсем не той дорогой, какой пришли. Реле тревоги загорается в мозгу, но я успокаиваю себя: «Может, просто другой путь?». Наивный!

Вместо третьего этажа спускаемся на второй, подходим к двери первой камеры слева по коридору.

– Стоять! Лицом к стене! – коридорный проворачивает ключ, отодвигает засов. Дверь, всхлипнув, открывается. Смрад немых тел, вонь дешёвых папирос бьёт в нос.

– Заходим! – харон стоит, держа руку возле дубинки.

– Вы не ошиблись? Я из другой камеры! – ещё надеюсь, что произошло недоразумение, что сейчас всё разрешится и меня вернут в ставшую почти родной камеру на третьем этаже.

– Заходи по-хорошему! – конвоир начинает вытягивать дубинку. Я предпочитаю войти вовнутрь без травм.

Спиной ощущаю ветерок от закрываемой двери. Лязгает засов.

Володя, «смотрящий» камеры №1

Какого хрена здесь оказался этот пассажир – я так и не въехал.

Днём выдернул опер. Как всегда, начал издалека, с их, ментовскими, закидонами:

– Как, – говорит, – сидится, Володя?

– Хреново, – отвечаю, – капитан. Хавчика нет. Покурить – чайку заварить и то голяки.

– Понял, – гундосит. – Есть возможность это дело исправить.

Я с этой падалью давно дело имею: он же задарма и поссать не даст! Что-то взамен потребует, сука ментовская! Молчу, жду. И опер молчит, зенками зыркает. Ну, поиграли в гляделку-молчанку – опер первый не выдержал.

– Закинут к тебе бобра, – говорит. – Хороший клиент: передачи получает регулярно. Будет у тебя и чай, и курево, и еда.

– Хорошо, коли так! – отвечаю.

– Но взамен надо его «раскрутить», войти в доверие. Ты это добре умеешь! В личном деле благодарности от руководства лежат.

«Срать я хотел на ваши благодарности! Если бы не загнали меня, суки, на „красную“ зону, хрен бы заставили с активом сотрудничать. А так обложили как волка: из ШИЗО не вылезал, в больничку с плевритом загремел – думал, кони двину. Тут оперок и подкатил. „Хочешь, – шепчет, – мы тебе антибиотики достанем? Еды нормальной?“. Помирать в двадцать шесть ох как не хочется! Ну, подписал. Дальше – они меня по эстафете передают. Там – обработать кого надо, тут – войти в доверие. Помню, как-то в пресс-хату засунули: надо было проконтролировать, чтобы пацаны не перестарались с одним пассажиром. Ну и разговорить – ему, бедняжке, хоть кто-то должен типа помочь, сочувствие оказать. После жёсткого пресса человек как пластилин делается – лепи из него, что хочешь, качай информацию, как воду из колодца – сама льётся. Обработал мужика нормально – расколочил, рапорт написал, на суде прошёл анонимным свидетелем».

– Лады, – говорю, – начальник. Давай своего бобра!

Алексей Рыжов

То, что предстаёт моим глазам, поражает настолько, что поначалу не могу сделать и шага.

Я – в кубе со сторонами в три метра. Стены покрыты ужасающего вида напластованиями извёстки. (Позже узнаю, что это «покрытие» называют «шуба», и в ней можно прятать спички и лезвия). Вместо зарешёченного окна – стальной лист-«дуршлаг». Солнечный свет едва сочится через крохотные отверстия. Туалет и раковина покрыты многолетними наслоениями грязи и ржавчины. В камере нет даже нар. Арестованные валяются на «помосте» – метровой высоты сооружении из досок. Освещается склеп сорокаваттной лампочкой, закованной в стальной плафон. Живут в такой пещере пять человек. Спят, едят, курят, общаются, играют в нарды, даже дерутся – в девяти кубических метрах, словно черви.

Молча стою у основания помоста, обозревая камеру: куда меня забросила злая воля следователей?

– Проходи, братела, не стесняйся! – с помоста поднимается небритый тип в майке: широкие плечи покрыты вытатуированными погонами, на груди синеют купола храмов.

– Как кличут? – свинячьи глазки смотрят не то, чтобы недобро, скорее – равнодушно. Так, наверное, смотрит забойщик на корову.

– Алексей, – выхожу из ступора и начинаю обдумывать сложившуюся ситуацию.

– Вован. Здесь я старший, – руки не протягивает.

– За что приняли? – собеседник смотрит внимательно.

– По экономической.

– Бизнесмен, значит. Это хорошо! Греешься? – здоровяк заметно веселеет.

– Когда замерзну – да.

– Чепушило! Дачки получаешь?

Это слово я уже выучил.

– Жена носит.

– Вот и клёво. А то у нас голяки с чаёхой и с куревом. Пацаны, вишь – серьёзные, – двое важно кивают.

– Ты движение поддерживаешь? – глаза-лезвия вонзаются в меня.

– А что это? – стараюсь не разозлить страшного собеседника.

– Пацанам будешь выделять часть от «кабанов», если хочешь нормально себя чухать. Всё, ложись, отдохни. Твоё место – в углу.

Разуваюсь и восхожу на помост. Доски покрыты тоненькими одеяльцами из пропахшей потом и куревом шерсти. Невыносимо хочется спать. Сворачиваюсь клубочком на помосте.

– Погоди, братела, давить на массу! Покалякать надо, – Вован подвигается поближе. – У тебя, смотрю, крассы клёвые. Давай меняться! Я тебе – свои лопаря. Смотри – достойные! – показывает истоптанные туфли. – А ты на «движение» пожертвуешь свои «Найки».

– Ладно.

– Расскажи пацанам, что на воле. А то сидим здесь, как медведи в берлоге – ни телика, ни газет.

– Да я уже девять дней как оттуда, – глаза слипаются, еле ворочаю языком.

– Выборы приближаются, политики мутузят друг друга. Бывших министров отправили в СИЗО.

– Каких министров? – соседи отрываются от нард.

– МВД и железнодорожного транспорта.

– Сладкие прянички! Пощупать бы их! – один из постояльцев, замечтавшись, опускает сигарету слишком близко к одеялу. Смерд палёной шерсти заполняет камеру.

– Пиндос вислухий! – Вован отвечает мечтателю подзатыльник. – Смотри, куда сигарету пхнёшь! Сгорим к матери!

Постепенно все утихают. Соседи доигрывают партию. Воздух в камере сгущается от «последней на сегодня», одной на двоих, сигареты. Через минуту все спят.

Обычно в тюрьме спишь плохо: мешает никогда не гаснущий свет, спёртый воздух и сама атмосфера, насыщенная энергией страданий и несвободы. Но в ту ночь, не знаю почему, я сплю на удивление крепко и под утро вижу сон.

ПОБЕГ

Среди сотен книг моей библиотеки мне особо дорога одна: время слизало с неё обложку, многократное чтение растрепало страницы, а игривый щенок оставил на переплёте следы крошечных зубов. Но стоит только взять её в руки, как услужливая память переносит на много-много лет назад

Я вижу прямоугольник света, льющегося в спальню из окошка выше двери, ряды кроватей с посапывающими одноклассниками и себя, склонившегося над книгой. Перевернёшь страницу – и Дик Сэнд выводит «Пилигрим» в полное опасностей плавание, а могучий Гераклес в очередной раз спасает пятнадцатилетнего капитана. Забываю обо всём: мне снова десять, я – ученик третьего «А» класса специализированной школы-интерната №1.

Алексей Рыжов, октябрь 1978 г.

Из окон струится шафрановый свет осеннего утра. Сон ещё держит в крепких объятиях одиннадцать мальчишек. Александра Георгиевна, осторожно приоткрыв дверь, входит в спальню. Половица возле кровати громко скрипит, но я не просыпаюсь. Прикосновение к худенькому плечу: – Алёша, пора вставать! Ты сегодня дежурный. Не забыл?

Сложно десятилетнему мальчишке выныривать из глубин приятных снов. Будто после нырка ты рвёшься вверх, но упругая, словно кисель, вода не пускает, тянет вниз. – Я уже встаю

Босыми ногами на прохладный линолеум; пальцами нащупываю тапочки. Десять шагов до белой двери – под ногами скрипят доски коридора. Налево – «комната гигиены» с железными умывальниками и вмурованными зеркалами. Кафель на полу вытерт до белизны. Ещё пять шагов – и кабинка туалета принимает меня.

Надо мной грозно возвышается зелёная труба, увенчанная чугунным бачком. Хищно клацает, закрываясь на ипингалет, дверь – я остаюсь наедине с тайной. Живя внутри меня, она мучительно-сладко подкатывает к горлу и наполняет тревогой длинные зимние ночи. Во мне

начинает шевелиться что-то новое, словно рождается изнутри, и это новое обитает где-то внизу живота.

Томление тела иногда становится настолько невыносимым, что я залажу рукой в трусики, шарю в поисках маленького отросточка и мчу его, пока он не станет твёрдым – тогда я надолго замираю в сладкой истоме. Уже несколько раз Александра Георгиевна ловит меня на том, что слишком долго торчу в кабинке туалета, но ничего с собой поделаться не могу. Отвечаю через тонкую дверь, что у меня запор и надо посидеть подольше. В ответ воспитательница сердится и требует, чтобы быстрее выходил и не задерживал весь класс.

Сегодня тороплюсь – наспех чищу зубы и, брызнув в лицо холодной водой, бежу в спальню.

Костюмчик из шерсти пополам с полиэстером, белая рубашечка и алый галстук из ацетатного шелка, слегка пахнувший горелым от ежедневной глажки – всё это быстро надевается. Минута – и я готов нестись в столовую.

Топот быстрых ног по гулкому дереву ступенек. Забегаю в раздевалку. Здесь, на серебрястых крючках, отдыхают пальто. Спящие в ячейке под вешалкой, начищенные с вечера, ботинки приветствуют хозяина. Пронюшу каменной лестницей, ведущей вниз с веранды – и мчусь, шаркая плохо зашнурованными ботинками, в столовую.

Задерживаюсь у покрытой первым ледком лужицы, надавливаю носком ботинка на стеклянную поверхность – с хрустальным звоном лопается лёд и чернильная жижа выступает из разлома. Бежу дальше, мимо роняющих лимонные листья тополей и корпусов старшекласников. Пар, вырываясь изо рта, клубится облачком.

Впереди – самая высокая лестница. Не сбив дыхания, взлетаю на последнюю ступеньку. Передо мной открывается бескрайняя площадь, заканчивающаяся машиной столовой. В центре агоры – клумба с малиново-черными головками полковников и отцветшими ноготками. На ходу успеваю сорвать засохшую головку цветка и, размяв пальцами, рассыпаю за собой пушистый след.

Пять высоких гранитных ступеней – я уже в столовой. Поворот направо, к раздаточной. «Первый!»

Широкие тётки в поварских колпаках помешивают в гигантских кастрюлях манную кашу.

– Ну що, синку, вже прибіг? – сверкая золотыми зубами, большущая повариха с высоты весело смотрит на меня.

– Да, – отвечаю робко. – Добре. Який клас? – Третий «А».

– Добре, – повариха, шевеля губами, ведёт ручкой по списку. – Тримай.

На стойку, вровень с моей макушкой, выставляется гора яиц с лиловыми печатями на скорлупе. Перед поеданием яйца с позеленевшими от долгой варки желтками участвуют в жестоких битвах: у чьего яйца макушка крепче, тот и победил.

Затаив дыхание, осторожно снимаю с оббитой сияющей жестью стойки добычу и несую в зал, к столам.

Хлопает высоченная входная дверь; в холл врываются оставшие дежурные других классов. Среди них старшекласники, но я спокоен: мой класс – первый в списке на выдачу.

В воздухе мелькает черпак на длинной ручке. Горячая манная каша сползает в глубокие стальные тарелки. Теперь это богатство надо перенести в зал. На обычный поднос из коричневого пластика в один ряд можно поставить только шесть тарелок. После многих тренировок и падений, я освоил искусство переноса девяти тарелок одновременно – внизу шесть и ещё три во втором ряду. Два подноса – и на сером пластике стола паруют восемнадцать порций манной размазни.

Подходит очередь аккуратно нарезанного хлеба и самого ценного – кубиков масла. Напоследок, зачерпнув из котла, размером с дом, тётка наполняет чайник и отдаёт мне.

Долго выуживаю из горы вымытой посуды себе и друзьям вилки с восходящим солнцем на ручке.

На поцарапанном пластике столов выстраиваю икебану: напротив каждой табуретки – полусфера стальной миски, наполовину заполненная ещё дымящейся манкой, справа – ложка. Перед миской – пустой стакан. Чай налью позже – чтобы не остыл. Лимонные кубики масла – на тарелках. Прямоугольники хлеба горками покрывают ажурные подставки. Яйца пирамидой пушечных ядер высятся в центре каждого стола. Готово! Теперь можно, раскачиваясь на табуретке, дожидаться, пока одноклассники добредут до столовой.

Александра Георгиевна

«Тяжело видеть страдания детей, чей здоровый мозг, а часто и доброе сердце втиснуты в исковерканную оболочку. Скрюченные руки, вывернутые ноги, изломанные спины – похожие на персонажей Гойи, они несут крест по жизни со стоическим спокойствием

Когда мне сразу после института предложили работу в интернате, я отказалась – не чувствовала в себе силы помочь этим, обиженным Богом и людьми, детям. Восемь лет работала в обычной школе, среди нормальных, здоровых детей: преподавала немецкий язык. Встретила достойного мужчину. Полюбила. Когда предложил выйти замуж – согласилась. Через год у нас родилась Дашенька.

В ночь родов врач-акушер (это я узнала потом) выпил на дне рождения медсестры и уснул в ординаторской. У меня отошли воды, а добудиться пьяного эскулапа не могут. Пришлось медсестре-акушерке принимать роды самостоятельно. Что она сделала неправильно, я уже никогда не узнаю.

Когда Дашеньку принесли на первое кормление, сразу обратила внимание – ножка у малышки выгнута как-то не так. К тому дню, когда муж, с коробкой конфет и букетом роз, встречал нас возле роддома, стал известен жестокий диагноз – детский церебральный паралич.

Даша была почти нормальным ребёнком – живым, подвижным, улыбчивым и смешливым, но только «почти»... ВТЭК определила: «родовая травма вследствие асфиксии». За те несколько секунд, пока неопытная медсестра, не зная, что делать: будить врача или пытаться справиться самой, металась по родзалу, какой-то маленький участок в мозгу моей девочки просто отмер.

Жизнь Дашеньки акушерка спасла. За это я ей благодарна. Но изогнутая ручка и волоочающаяся ножка сделали Дашу не такой, как все.

Прошло семь лет мучений: и моих, и Дашеньки. Были и бабки, и массажисты-костоправы, и поездка в далёкий Курган, к кудеснику-ортопеду Илизарову. Всё бесполезно. Даша стала бояться врачей и при виде белого халата с плачем прижималась ко мне.

Пришло время доченьке идти в школу. О том, чтобы отдать Дашулю в обычную школу и речи не шло. Ей нужен особый присмотр и лечение. Я вспомнила об интернате для детей с ДЦП.

К тому времени муж, устав, по его словам, от бесконечных врачей и санаториев, ушел от нас, превратился из живого человека в ежемесячную квитанцию об уплате алиментов.

Пришлось пойти на работу в интернат. Побеседовав с директором, Александром Викторовичем Романовым, узнала две вещи: во-первых, что в интернате как раз есть вакансия воспитателя младших классов, а во-вторых, что Дашу могут зачислить в подготовительный класс только в том случае, если я эту вакансию займу.

Первого сентября красавица Дашенька стояла в толпе таких же, как она, деток. Одиннадцатиклассники вручили каждому из «приготовишек» по белоснежной хризантеме и глянцевой открытке: «Первокласснику от выпускников».

Потекли будни. Дашенька осваивала азбуку, занималась лечебной физкультурой и терпеливо сносила электрофорез и ЛФК. Я помогала детям-инвалидам натягивать по утрам неподъёмные ортопедические ботинки, проверяла каракули на самоподготовке и следила, чтобы никто не обляпался манной кашей, пронесённой мимо рта дрожащей рукой.

Листья каштанов возле нашего корпуса опали, выросли и готовились вновь укрыть землю. Дашенька перешла в первый класс: в интернате все дети в начале становятся «приготовишками», а через год их разделяют. «А» класс учится по обычной школьной программе. В «Б» попадают дети с задержкой умственного развития: к восьмому году обучения, дай Бог, осваивают программу четвёртого класса.

В моём 3-м «А» двое совершенно здоровых детей: два Алексея – Рыжов и Шпанько. Коллеги шепчут, что их устроил сам Романов.

Рыжов – весёлый, общительный мальчишка. До того, как познакомилась с его родительницей, и не подозревала, что она давно в разводе и сама растит двоих сыновей. Почему Романов разрешил принять в интернат здорового ребёнка, для меня загадка.

Мать Рыжова – энергичная блондинка с незакрывающимся от непрерывного говорения ртом, похоже, не сильно переживает за младшего сына. Алёша частенько остаётся на выходные в интернате и бродит со скучным лицом.

С поведением у мальчика проблемы: обычно уравновешенный, спокойный, но иногда как учудит! Два месяца назад подставил ножку первокласснице, которая бежала по актовому залу. А недавно в кровь разбил нос однокласснику. После драки сказал, что тот украл у него из тумбочки фантики. Вот и не получает похвальных грамот: в аттестате все пятёрки, а поведение – между «неуд.» и «удовл.».

Что действительно любит, так это забиться в тихий уголок с толстой книгой в руках; читает, бесшумно переворачивая страницы, пока не позову на ужин или не выключу свет. Библиотекарь жалуется, что все книги на полках для его возраста уже перечитал и теперь кланчит Жюль Верна и «Спартак».

Алексей Рыжов

Большая перемена. К группке мальчишек из третьего «А», занятых набиванием фантиков на подоконнике, почти строевым шагом приближается Маргарита Халихановна, завуч младших классов. – Алексей, пойдем – к тебе пришли. – А кто? – так неохота отрываться от игры. – Пошли – увидишь!

Завуч, подождав пока спрячу фантики в карман, берёт меня за руку. Идём мимо столбов света, льющегося из окон, вперёд – туда, где длиннющий коридор заканчивается ступенями. Там, возле окна, невысокий и чёрный, стоит он – тот, кого мама в последнее время иначе, как «извергом», «фашистом» и «скупердяем» не называет – отец.

Родители давно развелись. Мама запрещает видеться с отцом. Каждое упоминание его имени она сопровождает каким-нибудь обидным словечком.

Увидев отца, разворачиваюсь и бегу прочь. Из груди мужчины вырывается стон. Последнее, что вижу – окаменевшую фигуру возле окна.

Вечером на кровати лежит кулёк конфет с караваном верблюдов на обёртке. Хрустящие вафельки зажаты между слоями коричневого крема и облиты тоненьким слоем шоколада – вкуснотища! «А „Гулливеров“ не принёс, скупердяй!».

Учеба идёт легко, и я частенько скучаю на уроках. Учительница математики всегда подбрасывает по пять дополнительных задач – чтобы не бездельничал.

Историк (залысины делают его похожим на Владимира Ильича Ленина) после урока зовёт в каптёрку. В комнатке без окон чудесно пахнет старыми книгами и клеем.

– Держи! Подарок – как лучшему ученику. – «Ленин» протягивает потрёпанный томик. На обложке – мальчик, вращающий огромный штурвал.

– «Пятнадцатилетний капитан» – мгновенно читаю надпись на обложке, надпись.

– Про моряков?! – Конечно. Давай, беги!

Звонок громким треском выгоняет классы с последнего урока. Раскачиваясь на ходу, кренясь во все стороны и надолго застревая на лестницах, мальчишки и девчонки третьего «А» медленно ползут к виднеющемуся на вершине холма зданию с колоннами. Здесь их уже ждёт обед.

Муха, обманутая теплом, бьётся в оконное стекло, когда я на цыпочках вхожу в спальню. В верхнем ящике тумбочки, под куском клеёнки, лежат мои сокровища – переживающиеся календарики и горка фантиков. Но сейчас там пусто. Снова и снова приподнимаю клеёнку, шарю по углам – безрезультатно! «Это Ефа и Куница! Только они могли зайти в спальню, пока другие учатся» – в голове кружатся злые, колючие мысли.

Сашика Ефименко, по прозвищу Ефа, – самый высокий в классе. Мы дружно его ненавидим. И есть за что. Он крадёт всё, что попадает под руку – мелочь из карманов одноклассников, деньги из кошельков учителей, сладости, игрушки. Он даже умудрился стащить обручальное кольцо у воспитательницы из первого «А».

Дружок его ещё отвратительней. Новенький, с говорящей фамилией Куницын. Он и вправду похож на куницу – длинный, худой и вертлявый. Карие глазки перебегают с предмета на предмет – высматривают: что бы ещё стянуть у зазевавшихся учителей и одноклассников?

Несколько раз после очередной кражи класс объявляет воришкам бойкот, но двое сдружившихся изгоев общаются между собой и, похоже, не особо страдают.

Из мыльницы, рефлектора и квадратной батарейки я смастерил подобие карманного фонарика и продал его Кольке Лыкову. За три рубля. «Зелёную» спрятал под матрас: хватит на мороженое и на кино, ещё и на «Раковые шейки» останется. Утром сунул руку в тайник, а там – пусто! Ясно, что это работа воришек Ефы и Куницы. Пришлось пожаловаться Александре Георгиевне. Вещи пацанов проверили, но денег так и не нашли.

Накрыв на обед, поджидаю класс, сидя на табуретке. Раскачиваюсь при этом сильнее обычного. Когда, по моим расчетам, класс уже должен подойти к дверям столовой, выхожу в вестибюль.

Первая пара, две девочки, преодолевают ступени лестницы, ведущей в столовую. Куницын, посвистывая, идет сбоку от строя. Решает погладить всеобщую любимицу – дворняжку Найду; подходит к закутку, где спит, похожая на овечку, собака. В этот момент прыгаю прямо с веранды на Куницына, намереваясь свалить гада на землю и уже там добить. Но Куница не зря казённый хлеб ел: он легко стряхивает меня с плеч.

Потеряв преимущество первого удара, будучи килограммов на пять легче и на полголовы ниже, с рычанием бросаюсь на врага, беспорядочно молотя руками. Чаще всего взмахи кулачков лишь рассекают воздух, но несколько ударов попадают в цель – на морде Куницы вспухает царапина. Мы кружим в боевом танце друг вокруг друга, и поднятая пыль почти скрывает нас от глаз собравшихся зевак.

Как мне удалось повалить намного более сильного Куницу, я так и не понял. Помню себя, сидящим на поверженном противнике и бьющим по ненавистному лицу. Найда весело скачет вокруг дерущихся мальчишек: она решила, что мы играем, и просится в компанию.

Прихожу в себя, вися над землёй: исполин держит нас за шиворот, ожидая, пока поостынем и перестанем размахивать руками.

– Вы чьих будете, бойцы? – широкая улыбка, бас и власть в голосе: директор! – Ну, что молчите? Какой класс, спрашиваю?

– Третий «А», – Куницын размазывает пыль по лицу, отчего оно становится ещё чумазее.

– Так, понятно – Александра Георгиевна недосмотрела. Хорошо, я с ней разберусь. А вы, – ставит нас на землю, – быстро мыть руки и за стол! Приду через пять минут – проверю.

Не глядя друг на друга, поднимаемся по ступенькам. Руки вымыты, лица протёрты вафельными полотенцами. Заходим в зал.

Класс уже сидит за столами. Александры Георгиевны ещё нет. Поедая гороховый суп, рассказываю друзьям о драке. Рот набит жёлтой жижей, поэтому соседи слышат только: «Я ефо – тах, а он меня – дых!». Брызги летят во все стороны.

Воспитательница приходит в середине рассказа. – Рыжов, доедай молча, а то тарелку опрокинешь. – Харафо, Алесандра Георгефна!

– Ну, вот и отлично! – грустно улыбается. – Есть тема для беседы на «тихом часе».

Александра Георгиевна подмигивает мне. Сразу успокаиваюсь и котлету с пшеничной кашей доедаю уже молча.

Александра Георгиевна

«Опять драка. Только что Романов отчитал словно школьницу. Я, видите ли, не могу навести порядок в классе! Прекрасно понимаю мальчишек: Куницын неприятен: смотрит преданно в глаза, а за спиной фигу держит. Но с Алексеем надо поговорить – можно было сначала рассказать мне».

На «тихом часе» Александра Георгиевна, заведя меня в комнату отдыха, долго выпытывает о причине драки.

– Ладно, все понятно – иди спать, — легонько касается выступающих из-под застиранной майки лопаток.

Алексей Рыжов

– Третий «А», подъём! – Александра Георгиевна распахивает шторы. Снопы золотистого света, льющегося из вымытых окон, ложатся на кровати. Мы легко просыпаемся от голоса воспитательницы и скачущих по углам комнаты солнечных зайчиков. До окончания «тихого» часа ещё пятнадцать минут, но воспитатель будит нас заранее: чтобы мы «легче перешли ото сна к бодрствованию»

Чаще всего Александра Георгиевна вспоминает рассказы Джексона Лондона или истории о Шерлоке Холмсе, или что-нибудь из фантастики.

Сегодня, затаив дыхание, слушаем историю о человеке, идущему к далёкому океану. О том, как он остаётся без оружия и еды, но продолжает путь. Как, в конце, смельчак едва ползёт, стирая до костей ноги и руки. Страдания этого человека близки и понятны мальчишкам, чья жизнь – ежедневный подвиг борьбы с изломанным телом, непослушными руками и презрением со стороны тех, кому повезло родиться здоровыми.

После полдника третьеклассники идут на самоподготовку. За два часа нужно успеть сделать уроки. Самые шустрые, после того как справятся с «домашкой», выжигают рисунки на дощечке или чеканят стержнем от авторучки олимпийского мишку на листике меди.

Два раза в неделю Калинин, наш учитель пения, забирает меня на занятия по музыке.

Нас – четверо. Мы – школьный оркестр ионик. Белоснежная коробочка с рядом стальных полосок, сбоку – короткая палочка, привязанная проводком к корпусу – вот и ионика. Зажал щепотью палочку, глаза следят за партитурой, ткнул в нужную клавишу – и звук льётся из динамиков, рождая чарующую мелодию заставки к передаче «В мире животных».

Высунув от старания кончик языка, ежесекундно сверяясь с партитурой, вонзаю стальной наконечник точно в нужный прямоугольник. Радуюсь, когда Калининвич хвалит оркестр, и огорчаюсь, когда учитель окриком: «Не так!!!» обрывает течение мелодии.

Час занятий музыкой для меня – мгновение. Устав до мушек в глазах, рассыпаю горox быстрых шагов по гулким коридорам. Бегом в класс!

Хороший, все-таки, этот Калининвич! Добрый, умный и по-немецки всё время говорит с Александрой Георгиевной. Странно звучит чужая гортанная речь из уст наших, советских, воспитателей. Многие из нас и по-русски говорят с трудом, поэтому учителя кажутся небожителями.

Солнце давно уже скрылось за вершинами каиштанов. В золотистом свете фонарей чернеют силуэты корпусов. Близится время ужина. По пути в столовую решаю на минутку заскочить в корпус, проверить: в порядке ли сокровищница с календариками и фантиками? После драки я вспомнил, что утром перепрятал драгоценности в другое место.

Два пролёта вверх по скрипучим ступеням – спальня. Быстро руку под матрац. Пачка твёрдых прямоугольников с ребристой поверхностью просится в руки: посмотри нас! Любуюсь сменой картинок: вот – олимпийский мишка, перевернул – и уже переплетенье пяти колец! Вот хоккеисты из «Шайбу! Шайбу!» – смешные, носатые с черными волосами, поворот – и уже их противники – курносики с пшеничными шевелюрами. Но надо бежать, накрывать на ужин. Я должен быть первым!

Уже идя по коридору к выходу, слышу необычные звуки в пустом корпусе. На что это похоже, сказать трудно: больше всего напоминает борьбу или драку. Стараясь ступить на те доски пола, которые скрипят меньше всего, подкрадываюсь к приоткрытой двери комнаты отдыха – и оторопеваю. То, что я вижу, мне уже приходилось видеть и раньше. Год назад мы с братом, став на кухонный стол, подсматривали через окошко в ванной, как, похожий на медведя, дядя Лёня, сопя и рыча, делал это с мамой. При этом она выгибалась и мотала головой.

Но здесь! То же самое делают Александра Георгиевна и Калининвич! Они не совсем раздеты: брюки учителя музыки вместе с трусами спущены до колен. Среди черноты волос паха Калининвича краснеет громадный писюн, который то исчезает, то появляется, уже блестящий, из сокровенных глубин тела воспитательницы.

Несколько секунд заморожено смотрю на действие. Когда Александра Георгиевна, издав стон, поворачивается в направлении приоткрытой двери, бросаюсь бежать. Шаги гулко отдаются в пустом коридоре, но я уже не думаю о том, что буду раскрыт. Стыд, разочарование и обида гонят меня вперёд. Выбегаю из корпуса и мчусь к футбольному полю. Опавшая листва посвистывает под ногами. Ещё несколько минут, и я – в балке, что начинается сразу за школой.

Полутьма и прохлада встречают разгорячённого стремительным бегом ребёнка. Безлистые ветви акаций трутся одна об другую. Таинственный шелест наполняет балку. Кажется, что кто-то страшный и громадный скрывается за каждым деревом.

Подбираю сухую ветку и иду, размахивая ею, словно мечом. Воображение рисует картины страшной мести. Вот я врываюсь в корпус: Калининвич ползает передо мной на коленях и могучий меч взлетает над головой презренного учителя, готовясь отсечь её прочь. Александра Георгиевна со слезами умоляет пощадить любовника. Я великодушно прощаю обоих предателей и мы, втроём, плачем в объятиях друг друга.

В другом варианте мести представляю, как разрубаю мечом прекрасную грудь Александры Георгиевны, и она падает бездыханной рядом с уже мёртвым Калининвичем.

Как они могли! Двое самых любимых людей оказались предателями! Нет, никогда их не прощу! Закусив губу, иду и иду вперед, пока не вижу со дна балки маленькие, словно игрушечные, домики на противоположном склоне оврага. Дальше идти некуда, назад – не к кому.

Валюсь на спину в захрустевшие листья. Недавно взошедшая луна заливает охряным светом всё вокруг, и я долго смотрю на неё. В балке сильно пахнет сыростью и прелой листвой.

«Наверное, меня уже ищут. Ничего, пусть поищут, пусть побеспокоятся! Не хочу больше к этим предателям! Убегу к маме».

Тропинка белеет среди травы, подобно извивающейся змее. Шаг за шагом, преодолевая страх, усталость и голод, карабкаюсь вверх, хватаясь руками за выступающие корни. Вот и край оврага. Вдалеке, среди деревьев, горят огни интерната. Постояв минуту на самом верху балки, направляюсь не к школе, а от неё – вдоль забора, к остановке автобуса.

«Убегу! Уеду к маме! Она ждёт меня» – короткие, злобные мысли проносятся в голове и гонят вперёд. Вот показались огни фонарей вдоль шоссе, вот и сама дорога – матово-блестящая чёрная полоса уходит в город: туда, где меня ждёт мама.

Выхожу к остановке – серой скамейке под крышей из рифлёного железа. Лавочка высока, и я сижу, болтая ногами в воздухе. Напряжение спало. Дает о себе знать усталость – веки слипаются, хочется есть, спать и к маме. Терпеливо жду, когда из-за подъема покажется дребезжащий ящик автобуса номер двадцать один, чтобы залезть на заднее сиденье и уснуть. Помню, что мне надо ехать до конечной остановки. Там, на «кольце», нужно сесть в трамвай, а с остановки – пешком домой, в уют родной квартиры, где меня ждёт мама.

Автобус всё не идет: руки начинают коченеть, холод прокрадывается под курточку, в желудке давно играет голодный марш. Хочется куда-нибудь, где тепло и есть горячий суп, пусть даже гороховый.

Александра Георгиевна, Калининвич и ещё кто-то из учителей появляются на остановке за минуту до того, как старенький «ЛАЗ», натужно рыча на подъёме, выезжает из низины.

– Алёша! Алёша! – Александра Георгиевна обнимает дрожащее тельце, шепчет нежные слова и гладит спину икающего от холода мальчика.

– Я любил вас, Александра Георгиевна! – бормочу, глотая холодные слезы и сопли. – А вы, а вы...

– Я тоже люблю тебя, малыш. И всегда буду с тобой и только с тобой. Ты, главное, больше не убегай.

Александра Георгиевна плачет вместе со мной и слезы словно что-то смывают с её души.

К корпусу идём, взявшись за руки. Я весело размахиваю свободной рукой. Вот и родные ступеньки, спальня и милая кровать. Александра Георгиевна присаживается ко мне. Ладонка тонет в её теплых и нежных руках. Уже через несколько минут я сплю, свернувшись клубочком. Мне снятся мама и тёплое, ласковое море. Шлёная по накатывающимся на берег нежным волнам, я бегу к маме. Улыбаясь, она ждёт меня, раскрыв объятия.

Утро в новой камере начинается с шума воды. С грохотом Ниагарского водопада жидкость рвётся из трубы в туалете. «Подъём!» – вертухай гремит ключами в дверь. «Мог бы и не колошматить!», «Права на сон лишает, зараза!». Поднимаюсь вместе со всеми. Соседи раскуривают первую сигарету. В моём утреннем ритуале – обтирание холодной водой и разминка, стоя на помосте.

Сверху слышен перестук киянок – начался шмон. Вертухай движутся с третьего этажа вниз. В платных камерах тюремщики простукивают решётки деликатно, не сильно стараясь. Элитные постояльцы выходят из камер не спеша. Никто не орёт на них и не тычет дубинками в спину. Богачи расслабленно идут в конец коридора, где спокойно дожидаются окончания шмона.

Совсем не так в обычных камерах, набитых рядовым отребьем.

Лязг отодвигаемого засова, скрип петель.

– Все на выход! Без вещей! Руки за спину! В конец коридора! Бегом!!!

Замешкался на старте – дубинкой по хребту. Не зевай Фомка, на то и ярмарка! Добежали. «Стоять! Раздвинули ноги!». Растяжка: руки в упор на стену («На краску, уроды! Увижу руки на побелке – отобью!»), ноги – за специально нарисованную линию. – Шире ноги, бандерлоги!

Молоденький вертухай проводит лопаткой металлоискателя вдоль каждой раскоряченной фигуры. Его коллеги в это время куражатся в камере. Двое переворачивают матрасики, кульки с одеждой и пищей. Двое простукивают стены и решетки. Что-то не так – и все пожитки летят в коридор. Нашли «запрет» – вся камера в карцер, если не выдадут одного на растерзание. А можно и на растяжке полчаса подержать – чтобы жизнь мёдом не казалась!

Шмон позади.

– Первая камера! Назад! Бегом! – и дубинкой по заду – чтобы сиделось легче.

Приводим в порядок вещи, раскладываем по кулкам одежду и еду. Теперь можно расслабиться. На допросы выдёргивают редко. Если человек не даёт признательные показания сразу, он, впитав тюремную мудрость: «Чистосердечное признание облегчает совесть, но удлиняет срок», «Чем больше группа – тем длиннее сроки», замолкает, и с ним уже трудно работать. Поэтому опера рвут в клочья свидетелей, обыскивают офисы и квартиры, но к «клиенту» ни ногой. И только, если повезет что-либо откопать – стрелой летят в ИВС.

Рядом спит убийца. Никогда прежде не видел человека, лишившего жизни другого. Сквозь полуприкрытые веки иногда посматриваю на соседа. Парень как парень – высок, черноволос, лицо приятное, похож на Киану Ривза. Наверное, он и сам знает об этом: налёты, по его словам, всегда совершал в черном плаще, под которым прятал обрез.

– Всего-то делов, – с гордостью рассказывает он татуированному соседу, – подходишь к продавщице, показываешь ствол, и она стоит, не шелохнувшись, пока мы кассу чистим.

Но удача отвернулась от грабителей: бдительная бабулька, заметив, что возле дома околачиваются двое подозрительных парней, позвонила в милицию. Патруль зашёл во двор. Пацаны рванули в подъезд. Сержантики – за ними.

– Ничего не оставалось, как спускаться навстречу и мочить мусоров! Одного – наповал, второй – получил заряд дроби в плечо и не рыпался.

Вспоминаю: в марте весь город белел листовками с фотороботом парня в лыжной шапочке. «Разыскивается в связи с совершением тяжкого преступления».

Как-то утром Андрея выдёргивают без вещей. Возвращается нескоро. Войдя в камеру, долго молча курит. Затем, глядя в потолок, спокойно бросает: «Всё, пацаны, пошел я на пэжэ». Все головы поворачиваются к соседу.

– Захожу я в допросную, а там на столе, фотки какие-то, перевернутые. Ну, лежат и лежат – мало ли что опера притащили. Побазарили немного. Вдруг один опер мне прямо в лобешник: «Что знаешь об убийстве такого-то?». Я «падаю на мороз»: «Кого? Знать не знаю о ком вы». Тогда он фотки переворачивает, а там – трупак. «Того, что ты убил, разделал и зарыл в лесопосадке. Сдал тебя подельник». Ну, тут я понял, что дальше упираться смысла нет – всё выложил. – После того, как мы ментов завалили, мусора устроили облаву. Помните, весь город обклеили портретами?

Дружно киваем.

– Тоха через неделю кипешивать начал, хоть и зависали мы на чистой хазахе и бабло имелось, и хавчик. Понял я, что ещё немного и сдаст, сука, как пить дать, расколется. Сидим вечерком, бухаем. Я встал, будто взять что-то, и сзади Тоху топориком по темечку – тюк! Он, бедняга, и не мукнул. Распилил в ванной – нудное, скажу вам дело – распихал по пакетам. А дальше как? Мне выходить нельзя. Дал корешу, чья хаза была, вывезти. Ну, вот он, – Андрей витиевато выругался, – и сдал меня с потрохами. Теперь всё. Эх, мне бы только напоследок тому пидару, что стукнул на меня, горлянку перегрызть!

Время завтрака. Шныри из «пятнадцатисуточников» разносят вполне съедобную пищу: кашу, иногда яйцо, кусок серого хлеба с кубиком маргарина сверху.

Жена каждый день носит передачи. В них – натёртые морковка и топинамбур, проросшая пшеница, орехи, мягкий сыр и яблоки. Вован ворчит, что «козлячую хавку шамать не подписывался». Глядя, как я с аппетитом уничтожаю молодую крапиву и петрушку, соседи тоже пытаются поесть зелени, но быстро отказываются от этой затеи. Адвокатов ко мне так и не допускают, и я не могу попросить жену передать колбасы и курева для соседей.

В конце завтрака – едва тёплый кипяток. Чай в нем заваривается слабенький, как моча. Поэтому «бывалые» на факеле – плотном пучке газет, доводят воду до кипения и пьют чифир, пуская кружку по кругу.

Вообще, кружка, по тюремному – «тромбон», в камере вещь незаменимая. Сидельцы любовно оплетают ручку канатиком, после чего, не боясь обжечь руки, в таком тромбоне можно вскипятить чифир, сварить супчик (это, правда, попозже – в СИЗО), подслушать, о чем говорят в соседней камере – достаточно приложить резонатор к стене, и даже наказать непослушных – кара так и называется: «дать тромбоном по рогам».

Перед нами – пустыня бесконечно длинного дня. Каждый проходит её по собственному усмотрению. Воры целый день играют в нарды (за карты можно угодить в карцер), разводят рамсы (проще – треплются), едят и курят. Чтобы не отупеть окончательно, заставляю себя заниматься санскритом, йогой (увидев меня стоящим на голове, коридорный шепотом спрашивает сокамерников: «Что это он делает?») и чтением (в камере завалились сборник рассказов Шукшина и Библия).

К соседям обращаюсь только по крайней нужде. Они тоже не особо мной интересуются. Только один раз Вован, взглянув на мои бицепсы (память от занятий культуризмом), цедит: «Ох, не похож ты, Леха, на экономического! Ты, стопудово, мошенник». Спорить со знатоком жизни, за плечами которого три «ходки» и Бог знает сколько лет лагерей, я не стал и вернулся к рассказам Шукшина.

Состав «пассажиров» в камере постоянно меняется. Только Вован и я остаёмся константами в регулярно меняющемся актерском, тюремном театре.

В основном, клиентов в ИВС поставляет водка и семейные разборки на её почве.

Заезжает к нам черноголовый алкоголик: во время ссоры зарезал сожительницу. Описывает он сие происшествие так: «Она, сука, меня – молотком по пальцам! Ну, я не удержался – схватил нож со стола и ей под ребро. Она только хы-ы-к и под стол упала! Тут уже менты в дверь ломятся – соседи слышали, как мы собачились. Я – в крови. Ленка, уже дохлая, под столом. Повязали, суки, повязали!»

Знарок УК Вован комментирует рассказ алкаша коротко: «Восьмёрка, как палец обосать!».

В один из тягостно-длинных дней перед Пасхой черноголовый прыгивает с помоста, подходит к двери и с размаху лупит башкой об угол «рыцаря». Ему никто не мешает. Пацаны с интересом считают удары. После третьего гулкого «Дум-м-м!» в «кормушке» прорисовывается мрачное лицо вертухая.

– Кому тут в карцер нейметя?

– Да вот – пассажир бушует, – пацаны чувствуют себя зрителями на премьерке.

– Ну, чего тебе, убогий? – коридорный, присев по ту сторону двери, пытается рассмотреть в слабом свете зарешеченной лампочки лицо буяна.

– Выпустите меня! Я ни в чем не виноват! – алкоголик орёт и потихоньку постукивает головой по железу двери.

– Тут все не виноватые. Успокойся, а то отправлю в карцер, – урезонирует дебошира охранник.

И тут безумец выкидывает новый фортель: отойдя от двери, поднимается на помост и оттуда, разогнавшись, прыгает рыбкай прямо в дверь. Гулкий удар слышен, наверное, во всем здании ИВС.

После падения страдалец валится у двери и затихает. Гремят засовы, распаивается дверь – в камеру деловито входят двое. Подхватив зека под руки, уволакивают в коридор. Больше мы черноволосого не видели.

Дабы не сойти с ума, начинаю писать рассказы. Лампочка над входом даёт скудный свет – приходится часто прерываться, чтобы не ослепнуть. Времени у меня в избытке, и никто не мешает погружаться в далёкое прошлое.

СМЕРЧ

Осень 2008-го оказалась на удивление теплой. Непонятно – то ли даёт о себе знать глобальное потепление, то ли просто солнце светит ярче обычного, но в конце сентября все ходят в футболках и тапочках на босу ногу

На работе неожиданно получается «окно». Проект по обучению менеджеров банка уже завершён (всё лето пахали, как папы Карло, в душных офисах), а под следующий заказ предоплаты ещё нет. Упрашиваю шефиню отпустить на недельку.

Бывали в сентябре на море? Уверен – на всю жизнь запомнили наполненные нежным теплом хрустальные дни, ласковое, словно бархатное, море и безлюдные пляжи.

Поехать удаётся всей семье. Джека, нашего колли, приходится взять с собой. Теца, после того как «лохматый злодей» изгрыз её тапочки и разбил сервиз на шесть персон, потянув зубами за скатерть, наотрез отказывается присматривать за псом.

Второй день после приезда. Раннее утро. Целую мирно сопящую супругу. Любимая переворачивается на другой бок. Верочка, совсем ещё крошечная, спит между нами. Андрей – на раскладушке в углу. Натягиваю плавки, беру полотенце – к утренней пробежке готов! Джек рядом – поскуливает в предвкушении прогулки, тянет к двери, прикусывая зубами кроссовок.

Выходим на веранду. Джек с лаем гонится за хозяйской кошкой. Жмурюсь от неожиданно яркого солнца. Пару раз взмахиваю руками, приседаю. Понеслись!

Джек бежит грациозно и мощно. Сильное тело вытягивается в струну при каждом толчке лап, шерсть развеивается на ветру. Пес, захватывая пастью волны, то влетает по брюхо в море, то пробегает точно по краешку прибора. Неторопливо трушу далеко позади. Джек несколько раз призывно лает – требует, чтобы хозяин бежал наравне с ним.

На пустынном пляже наши спутницы – крикливые чайки. Они изредка проносятся высоко-высоко над нами в бескрайней синеве. Бежать легко. Песок бесшумно продавливается под ногами. Позади остаётся цепочка следов. Впереди высокий берег делает изгиб, скрывая продолжение береговой линии.

За поворотом открывается странно знакомый пейзаж. Вижу ряды проржавевших насквозь навильонов, покрытые облупившейся краской раздевалки, выкрашенную охрой деревянную лестницу, идущую к верху глинистого обрыва. Пляж почти целиком съело море.

Так проступает в памяти лицо школьного товарища, когда через годы вы встречаетесь и несколько мучительно-долгих секунд смотрите, пытаетесь вспомнить, где виделись раньше.

В памяти запускается процесс припоминания. Когда-то я все это уже видел: пляж, навильоны, раздевалки и охряную лестницу. Воспоминание взрывает мозг! Это он – пионерский лагерь, с птичьим именем «Чайка»! А я – мальчишка с куском алого шелка на груди в бесконечно далёком августе 1980-го.

Галя

Чтобы прикоснуться к груди девочки-подростка, луч Солнца проделал долгий путь. Он промчался 150 миллионов километров, пронзил небо над пионерским лагерем и почти про-

брался в девичью спальню второго отряда. Помешали висящие прямо перед окном купальники, изумрудная сетка от мух, и в самом конце пути – вылинявшая занавеска

Солнечный луч едва не рассеялся бесследно, устав наткнуться на препятствия. Вдруг из пяти, похожих на колокола, громкоговорителей загремело: «По пионерлагерю „Чайка“ объявляется подъём!», и девичья рука отодвинула занавеску. Радостный и сильный солнечный свет ворвался в комнату, выхватив из полутьмы стоящие в два ряда десять кроватей, обшарпанные тумбочки и закутанные в серые и зеленые байковые одеяла фигурки.

Открыв глаза, Галя уже знает: сегодняшней день будет непохожим на предыдущие. Обычно по утрам она с трудом размыкает веки только после воя горна. Не открывая глаз, натягивает на голову одеяло и, пытаясь сохранить остатки сна, ворочается минут пять. Так не хочется вставать! Только неизбежность подъёма заставляет Галю спустить ноги с кровати. В конце ритуала с головы срывается одеяло и миру является широкоскулое лицо: на щеке – след от подушки, карие глаза слегка припухли, носик гордо вздернут.

Сегодня девочка проснулась легко и сразу же встала с кровати.

– Девочки, а какой мне сон снился страшный! Словно я бежала по тёмным коридорам, а за мной гнался невидимка. Я так испугалась! Всем – доброе утро!

Чтобы стряхнуть наваждение, Галя поёт хриловатым со сна голоском: «От улыбки станет всем теплей – и слону, и даже маленькой улитке...». Кто-то из девчонок подхватывает песенку, и она мечется по палате, сопровождаемая смешками, потягиваниями, зевками и перекличкой девичьих голосов.

На веранде слышен топот мальчишек, бегущих в туалет. В дальнем углу палаты Лидка, «которая-всегда-встает-раньше-всех», уже расчёсывает густые волосы цвета меди и громко обсуждает с соседкой, кто из мальчиков в отряде самый красивый.

Скрипнув, отворяется дверь. Елена Геннадьевна, возжатая второго отряда, выходит на середину комнаты и, подходя к кроватям, сдергивает одеяла с тех, кто ещё спит.

– Вставайте, лежебоки! Ещё одно прекрасное утро пришло на планету Земля!

Вставать никто не хочет. Девчонки в один голос упрашивают возжатую разрешить поспать ещё хотя бы полчаса.

Уговорить Елену Геннадьевну не удастся. Не помогают ни умильные улыбки на симпатичных рожках, ни укрывание с головой, ни жалобы на головную боль.

И так – каждое утро. Все знают, чем закончится представление. Но девчонкам нравится сам процесс, ощущение домашности происходящего. Словно ты с мамой – можно покапризничать, пожаловаться. И, как дома, тебя поймут, обласкают и простят.

Все ритуалы просыпания выполнены. Палата наполняется движением: Ирка Нежданова и Ленка Крыжановская, смотрясь по очереди в прямоугольничек зеркальца, расчёсываются одной «массажкой». Вера Семенович напоминает подружке, что они с вечера договорились поменяться одеждой. Шустрые близняшки Кузнецовы заправляют кровати. У выхода из корпуса заводила Ирка Семечкина уже собирает компанию для похода в туалет и чистки зубов.

Через пару минут стайка девчонок, кутаясь в кофточки и поеживаясь от утреннего холода, бредёт к туалету – стоящему почти возле обрыва белоснежному каменному строению.

По дороге приходится обминать лужицы, что остались после дождя, шедшего почти весь вчерашний день.

– Можно переждать зарядку возле умывальника – может сегодня повезет, и Вадим забудет проверить, – черноволосая дылда Ирка говорит, одновременно разглядывая в зеркальце новый прыщик и срывая стручки акации.

– А вдруг сегодня Вадим не забудет заглянуть? – Лена-Лиса, прозванная так за огненный цвет волос и хитрость, решаете возразить. – Тогда на зарядку погонит, ещё и дежурство влечет.

Большие спорящих не находится. Девчонки уже возле туалета. Вначале надо проверить – не подсматривает ли кто через дырочку в дощатой стене? Затем, по-быстренькому, жмурясь от резчайшего запаха хлорки, позжурчат горячей струйкой (тем девчонкам, у кого уже начались месячные, приходится долго возиться с тряпочками). После всего, позевывая, брести на футбольную площадку.

Гигантский апельсин солнца величаво выплывает из-за корпусов третьего и четвертого отрядов. Ветерок несет с моря запах йода и шевелит пестрые гирлянды лифчиков и плавок.

Заросший черной щетиной, физрук Сергей Гаврилович (кличка – Гориллович) хрипло орёт в громкоговоритель названия упражнений. Четыре отряда (мальшии из пятого приседают на площадке перед корпусом) делают вид, что пытаются повторить за пузатым любителем водки и голоногих нимфеток какие-то движения.

Гаврилович даёт разминку бегунов. Зарядка – вся из махов и упражнений для растяжки ног. Сказывается непропойное прошлое физрука – как-никак мастер спорта по легкой атлетике.

Зарядка может быть короткой – если у Гавриловича болит голова после вчерашнего – или невыносимо долгой. Так происходит, если Гориллович вспоминает, что «сорок пять – не фунт изюму» и что «возраст, клятый, берет своё, а ещё так хочется нравиться стройненьким девчонкам из первого отряда».

Перед каждым отрядом стоит пионервожатый и, оглядываясь на физрука, показывает следующее упражнение. Сегодня Гаврилович укладывает в пятнадцать минут. Звучит: «Здоровье в порядке?». Нестройное бляение: «Спасибо зарядке!» в ответ. Стайки говорливых пионеров расходятся по дорожкам к одноэтажным корпусам.

Алексей Рыжов

Нарисованная «Поморином» на щеке буква «А» подсохла и стягивает кожу. Приоткрыв глаза, Алёша видит ухмыляющуюся розгу братца. Рядом с ним ещё двое. Стоят у кровати и, посмеиваясь, ждуют пробуждения

«Хоть бы ночью намазали, гады! Я бы почувствовал, смыл. Заразы. Специально намазали попозже, чтобы вся палата увидела и посмеялась!», – думает Алёша, не открывая глаз.

Жмурки длятся минут пять. Алексей притворяется, что спит. Андрей с друзьями оживает, пока брат открывает глаза.

Ситуацию разрешает Вик Вик. Воспитатель с рычанием врывается в палату:

– Почему спим, первая палата?! Для кого была команда «на зарядку»?

Не говоря ни слова, мальчишки тянутся к выходу.

– Кто раскрасил Рыжова?

Ухмылки на лицах – и, по-прежнему, тишина.

– Я спрашиваю: Кто? Намазал. Рыжова!!!

– Не знаем, Виктор Викторович, – не выдерживают самые трусливые

– Ладно, на тихом часе поговорим. Пошли на зарядку. Рыжов, иди, смой пасту – на идиота похож.

Прижав к щеке полотенце, шаркая вьетнамками, мчусь к умывальнику.

Крытый шифером прямоугольник пуст – все уже на зарядке. Захожу вовнутрь и, сидя на корточках, тру щеку. На ней горит, не желая смываться, буква. К горлу подступает ком. Деревянная решетка под ногами постукивает каждый раз, когда я склоняюсь над краном.

Даже в умывальнике слышно, как Гориллович орёт: «Здоровье в порядке?». Надо идти в отряд, застилать постель, одеваться и смотреть в глаза тех, кого ненавидишь.

Две недели назад

«Никогда не нравилось ездить в лагерь. Не давал бы маме таксопарк каждый год бесплатные путёвки, поехали бы к бабушке. Теперь страдать три недели» – верчу головой, рассматриваю окрестности таксопарка.

Холодное утро. Ночью шёл дождь. Рядом с нами ветер гонит рябь по здоровенной луже. Невдалеке висят на родителях малыши – их отправляют в младшие отряды. В стороне замечаю знакомое лицо – Борька!

В прошлом году мы две смены оттрубили вместе, сдружились. Попрошу в автобусе, чтобы посадили рядом.

Долго стоим, ожидая колонну. Солнце уже высоко, но его скрывают тучи. На площади – многоликая толпа. Ревут малыши, гудят отцы, строгие мамы и бабушки раздают последние наставления детям и внукам.

Мама, устав говорить, молча сжимает мою руку. Андрей давно стоит в стороне – болтает со знакомыми девчонками.

Издалека слышен рёв моторов. На площадь выползают темно-вишнёвые мастодонты. – Ура! Дали «Икарусы!» – и мы, и родители улыбаемся

В прошлом году нас везли на старых, как мир, «ЛАЗах». Потом полдня кружились головы пионеров от выхлопных газов и тряской дороги. Кого-то из малышей даже стошнило.

Высытавшие из «Икарусов» распорядители проверяют списки, выкрикивают фамилии. Через полчаса слез и сопель малышей, сдержанных «Ну, пап! Всё будет нормально!» – парней в гэдээровских джинсах и хрустящих ветровках, цепких объятий мамами девчонок в цветастых платьях: «Доченька, будь умницей!», пионеры размещаются в автобусах.

Буркнули, разогреваясь, двигатели. Ударяют по газам немногословные крепьшии-шофёры; неповоротливые «Икарусы», изрыгая клубы угольно-чёрного дыма, медленно выкатываются из таксопарка.

Родители машут вслед, но назад смотрят только малыши. Начинается приключение!

Проходит час. Устав от гула съезаемой автобусом дороги, разомлев от жары, съеденных яиц вкрутую и бутербродов с «Докторской», пытаемся уснуть. Звонкие призывы сопровождающей: «Споём, ребята!», повисают в воздухе.

В середине пути, ошалев от скуки, швыряем в проезжающие автомобили недоеденные яйца, огурцы и ломти хлеба. Водитель автобуса, заметив безобразие, не отрываясь от руля, орёт в салон. Необъятная тётка-сопровождающая бежит к дальним сиденьям, где братец устроил обстрел дороги бутылками из-под «Байкала».

Вдоль колонны мелькают уходящие под горизонт поля золотистых подсолнухов; высятся ряды кукурузы.

В середине пути – остановка.

– Девочки – направо! Мальчики – налево! – голосит сопровождающая.

Словно маленькие линкоры, врезаемся в шелестящие заросли кукурузы. Рядом брат сунет за пазуху неспелые початки. Где-то, в стороне, гогочут соседи по автобусу. Солнце висит над полем, заливая всё нестерпимым жаром. Но в кукурузной чаще – темно и прохладно. Только ветер шелестит листьями да раскачивает лохматые верхушки гигантских стеблей.

Вторую половину пути, устав есть и шалить, пионеры дремлют. Подходит к концу четвертый час дороги. За окнами замелькали побелённые хаты, дворы с обязательным ореховым деревом в центре, холмики колодезев, с голубыми дверцами наверху, стайки коз, бредущих вдоль дороги.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.